B148 — 380

B148
380

В. В. Есиповъ.
Профессоръ Императорскаго Варшавскаго Университета.

ГЕРМАНЦЫ.

I. ЖЕСТОКІЙ НАРОДЪ.

II. ЖЕСТОКОЕ ПРАВО.

Цѣна 40 коп.

ВАРШАВА.
Типографія Варшавскаго Учебнаго Округа.
1915

Работы В. В. Есипова,

изданныя

Московскимъ книгоиздательствомъ И. К. Голубева подъ фирмою „Правовѣдѣніе": Москва, Никольская 9, домъ „Славянскаго Базара":

1. Очеркъ русскаго уголовнаго права. Часть общая. Преступленіе и преступники. Наказаніе и наказуемые. Изданіе 3-е. Москва. Стр. 555. Цѣна 2 руб. 50 коп.

2. Уголовное право. Часть особенная. Преступленія противъ личности и имущества. Изданіе 4-е. Москва. 1913. Стр. 216. Цѣна 1 р. 50 к.

3. Уголовное право. Часть особенная. Преступленія противъ государства и общества. Изданіе 3-е. Москва. 1912. Стр. 208. Цѣна 1 р. 50 к.

4. Указатель важнѣйшей литературы по уголовному праву. Москва. 1905. Стр. 107. Цѣна 1 р.

5. Превышеніе и бездѣйствіе власти по русскому праву. Изданіе 2-е. Москва. 1904. Стр. 108. Цѣна 1 руб.

---

6. Уголовное уложеніе 1903 года, его характеръ и содержаніе. 1903. Стр. 175. Цѣна 75 коп. (Складъ изданія въ книж. магазинѣ И. К. Голубева, Москва, Никольская 9).

В148 380

В. В. Есиповъ.
Профессоръ Императорскаго Варшавскаго Университета.

ГЕРМАНЦЫ.

I. ЖЕСТОКІЙ НАРОДЪ.

II. ЖЕСТОКОЕ ПРАВО.

ВАРШАВА.
Типографія Варшавскаго Учебнаго Округа.
1915

2 экз.

Печатано по распоряженію Совѣта Императорскаго Варшавскаго Университета.

Ректоръ: засл. проф. *С. И. Вѣховъ.*

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
687937

Государственная публичная историческая библиотека

ГЕРМАНЦЫ.

Очерки ихъ „правовой“ и общественной жизни.

Проф. В. В. ЕСИПОВА.

I. Жестокій народъ.

Современныхъ германцевъ охватилъ и поглотилъ духъ милитаризма. Этотъ милитаризмъ господствуетъ въ Германіи и въ правѣ, и въ общественной жизни, и въ наукѣ, и въ искусствѣ, избирающихъ исключительно воинствующія темы. Германцы—солдаты,—вотъ, что прежде всего твердятъ нѣмцы и своимъ дѣтямъ съ самаго младшаго возраста. И „подъ ружье“ въ Германіи стала и нѣмецкая наука со старыми профессорами, и нѣмецкая самая зеленая молодежь.

Въ Россію было доставлено за 1914 и 1915 годы много партій плѣнныхъ нѣмцевъ. Послѣднія ихъ партіи обращали на себя вниманіе своимъ составомъ; это въ большинствѣ юнцы лѣтъ 18, довольно худосочные, очевидно, по большей части городскіе, а не сельскіе жители, — не „отъ земли“, не „отъ сохи“, а изъ города „отъ станка“ взятые.

Прежде думали, что большіе города представляютъ богатѣйшую почву для рекрутированія новобранцевъ и являются будто-бы главными источниками, доставляющими государству его воинскую силу.

Согласно же даннымъ, публикуемымъ атмстердамскимъ статистическимъ бюро по „сравнительной демографической статистикѣ большихъ городовъ міра“, оказывается, что наиболѣе населенными городами земного шара являются: 1) Лондонъ — съ населеніемъ въ 5 милліоновъ, 2) Нью-Іоркъ — $4^1/_2$ милліона, 3) Парижъ — 3 милліона, 4) Токіо — $2^1/_2$ милліона, 5) Чикаго, 6) Берлинъ, 7) Вѣна (всѣ три—болѣе 2 милліоновъ), 8) Осака, 9) Петроградъ, 10) Москва, 11) Буэносъ-Айресъ, 12) Кіото, 13) Глазго, 14) Гамбургъ, 15) Ріо-де-Жа-

нейро, 16) Буда-Пештъ, 17) Варшава (870 тысячъ жителей), 18) разоренный нѣмцами Брюссель и т. д.

Всѣ эти центры и считались прежде важнѣйшими питомниками воинской силы различныхъ государствъ. Но не такъ давно опубликованныя оффиціальныя нѣмецкія данныя (въ „Zeitschrift des Königlichen Preussichen Standesamt") о происхожденіи нѣмецкихъ солдатъ даютъ намъ совершенно иную картину.

Чтобы правильно и съ пользою разсмотрѣть эти данныя, необходимо найти соотношеніе между числомъ новобранцевъ, которое было въ дѣйствительности выставлено данною мѣстностью, и тѣмъ числомъ ихъ, которое должно было быть ею выставлено, то есть между тѣмъ, что было и что должно быть. Это соотношеніе выводятъ такимъ путемъ, что сперва опредѣляютъ отношеніе цифры населенія данной области къ общей цифрѣ населенія всего государства, а затѣмъ сравниваютъ число ея новобранцевъ съ общимъ ихъ числомъ. При этомъ абсолютныя цифры того, что „должно быть", и того, что „было", для наглядности, превращаютъ въ отношеніе 100 къ иксу.

И вотъ, въ отношеніи Германіи, мы видимъ, что изъ германскихъ королевствъ только Пруссія не много превосходитъ то, что „должно быть" (100 : 106), Баварія, Саксонія и Вюртенбергъ замѣтно отстаютъ отъ нея (100 къ 91, 96 и 93). Изъ числа великихъ герцогствъ, герцогствъ и княжествъ болѣе скромный балансъ представляютъ: Рейсъ младшей линіи (100 : : 90), Ольденбургъ (100 : 90), Гессенъ (100 : 90) и Баденъ (100 : 84). Наоборотъ, выше стоятъ: Липпе (100 : 142), Ангальтъ (100 : 130), Вальдекъ (100 : 127) и Шварцбургъ-Зондерсгаузенъ (также 100 : 127).

Въ другихъ германскихъ государствахъ то, что „было", превосходитъ то, что „должно быть" отъ 1 до 10 на 100. Очень печальную для нѣмцевъ картину даютъ ганзейскіе города, гдѣ, чѣмъ больше городъ, тѣмъ меньшее число новобранцевъ: такъ, напримѣръ, въ Любекѣ указанное выше соотношеніе выражается, какъ 100 : 71, въ Бременѣ 100 : 65, а въ Гамбургѣ даже 100 : 42. Ниже Гамбурга, въ отношеніи числа доставленныхъ новобранцевъ, стоитъ только одинъ городъ, именно Берлинъ: изъ 100 рекрутовъ, которыхъ онъ долженъ поставить, онъ выставляетъ только 39!

Восточная Пруссія даетъ ихъ 140, Саксонская провинція— 134, Померанія — 133, Западная Пруссія — 129, Познань — 123,

Силезія—107, Бранденбургъ—103, Вестфалія—101 и Гановеръ —ровно 100. Не достигаютъ своей нормы: Шлезвигъ-Голштинія (только 94, вмѣсто 100, что объясняется наличностью здѣсь большихъ городовъ Киля и Альтоны, задерживающихъ поставку новобранцевъ); спеціально промышленная Рейнская провинція съ Гессеномъ и Нассау (по 92 вмѣсто 100).

Уже изъ приведенныхъ цифръ видно, что то или иное положеніе областей въ отношеніи поставки рекрутовъ стоитъ въ зависимости отъ большей или меньшей скученности и плотности населенія.

Но это будетъ еще яснѣе, если мы представимъ себѣ статистику мѣстъ рожденія солдатъ по соотвѣтствующимъ группамъ населенныхъ мѣстъ. Изъ всѣхъ солдатъ Германіи родились въ общинахъ съ населеніемъ въ 2.000 человѣкъ— 64,15 процента; съ населеніемъ 2.000 — 5.000 чел. — 11,27 процента; съ населеніемъ 5.000—20.000 человѣкъ—11,08 процента; съ населеніемъ 20.000—100.000 человѣкъ—7,37 процента; и съ населеніемъ 100.000 и болѣе—6,14 процента.

Эта статистика такъ ясна, что не требуетъ никакихъ комментаріевъ. Она представляетъ намъ наглядное доказательство того, что, чѣмъ населеннѣе мѣстность, тѣмъ менѣе продуктивна она въ качествѣ источника для поставки новобранцевъ. Нѣмецкія „Akademische Blätter" замѣчаютъ по этому поводу слѣдующее:

„Эти цифры не говорятъ, что для національной германской военной силы было-бы лучше, если бы не было большихъ городовъ, но онѣ указываютъ на то, какое благопріятное вліяніе и на относительную и на абсолютную силы Германіи имѣло-бы то обстоятельство, если бы удалось, такъ сказать, децентрализовать населеніе посредствомъ подъема сельскаго хозяйства, садоводства, перенесенія фабрикъ въ деревни и т. д.".

А пока, вмѣсто развитія „садоводства" нѣмцы называютъ разоренные ими города Neugarten'ами, а германскій ландштурмъ и ландверъ по прежнему пополняются исключительно городскими подростками, слабыми и худосочными, истощенными городскими болѣзнями и охотно сдающимися въ плѣнъ.

По улицамъ Варшавы въ 1914 и 1915 годахъ часто проходили громадныя партіи такихъ плѣнныхъ германцевъ и австрійцевъ; и тѣ и другіе съ ихъ офицерами съ нескрываемымъ

любопытствомъ разсматривали городъ, точно удивляясь его порядкамъ и культурѣ и его оживленности, какъ чему то неожиданному.

Удивляются плѣнные нѣмцы и внѣшней культурѣ и благоустройству русскихъ городовъ вообще. Что дѣлать! Вѣдь ихъ съ дѣтства увѣряли, что Россія это—страна дикарей и бѣлыхъ медвѣдей, и больше ровно ничего не знаютъ они (конечно, кромѣ колонистовъ) о нашей странѣ и объ ея народѣ. Даже ихъ офицеры, хорошо знающіе иногда русскій пограничный районъ, не знаютъ, гдѣ течетъ Волга, не слыхали о такихъ городахъ, какъ Казань и Саратовъ.

Такія недоумѣнія случалось встрѣчать за границею и мнѣ лично. Я помню, какъ одинъ старый заграничный профессоръ спрашивалъ меня, не одно ли то же Варшава и Краковъ, и почему у одного и того же города эти два разныхъ названія; тотъ же профессоръ разспрашивалъ меня также о томъ, далеко-ли отстоитъ Варшава отъ моря и т. п. Меня приводило тогда это географическое незнаніе и неосвѣдомленность о Россіи просто въ огорченіе, но со временемъ я къ этому совершенно привыкъ и уже не удивлялся больше, когда въ заграничныхъ картинныхъ галлереяхъ портретъ Екатерины Медичи называли портретомъ Екатерины Великой (о чемъ ниже).

Но есть нѣкоторыя стороны русской жизни, которыми въ Германіи все таки интересуются — конечно, лишь болѣе развитые классы населенія. Мы имѣемъ въ виду русскую отрицательную литературу съ ея разсказами про босяковъ, хулигановъ и т. п. Нѣмцы не читали Пушкина и Достоевскаго, но уже успѣли прочесть „На днѣ" Горькаго и „Санина" Арцыбашева. Они возмущаются нашими „порядками", а я самъ видѣлъ такіе, напримѣръ, заграничные „порядки": въ одномъ изъ заграничныхъ „образцовыхъ" мѣстъ заключенія „за неимѣніемъ (будто-бы) мѣста" сидѣли въ одной камерѣ долгосрочный каторжникъ, подслѣдственный, малолѣтній и сумасшедшій—всѣ четверо вмѣстѣ! и т. п.

Есть и другая группа вопросовъ, касающихся Россіи, которая живо интересуетъ и нѣмецкое общество и нѣмецкую печать. Это—все то, что касается нашего военнаго и военно-морского дѣла. Вотъ въ этомъ отношеніи нѣмцы проявляютъ не только любознательность, но и особое „патріотическое" любопытство. А остальныя условія русской жизни по прежнему остаются для многихъ изъ нихъ—terra incognita.

Очень уже самодоволенъ былъ до сихъ поръ (до войны) нѣмецъ, загипнотизированный историческимъ Бисмарковскимъ изреченіемъ: „Wir Deutsche fürchten Gott, aber sonst nichts in der Welt" и пресловутымъ тевтонскимъ кликомъ: „Deutschland, Deutschland über alles!"

Эту черту нѣмецкаго самодовольства, безъ всякой критики, можно было всегда подмѣтить при посѣщеніи нѣмецкихъ музеевъ. Въ одномъ изъ такихъ музеевъ, какъ замѣчено выше, при мнѣ показывали, напр., портретъ Екатерины Медичи, называя его портретомъ русской Императрицы Екатерины Великой. Въ другомъ нѣмецкомъ музеѣ я видѣлъ шляпу Петра Великаго, которая не вошла бы на голову младенца. И даже въ извѣстномъ дрезденскомъ историческомъ музеѣ (Iohanneum) есть такой курьёзъ: подъ названіемъ „румынское знамя 2-ой половины 17 вѣка" стоитъ русская церковная хоругвь съ православнымъ, русскимъ на ней образомъ и съ надписью изъ Евангелія на церковно-славянскомъ языкѣ.

Да, русскій человѣкъ такимъ невѣжествомъ и такимъ самодовольствомъ не отличается. Но и вкусы у него и у нѣмца различны: русскій гордится своимъ петроградскимъ Эрмитажемъ или московской Третьяковской галлереей; нѣмецъ — своимъ берлинскимъ цейхгаузомъ съ пушками и кирасами.

И, перефразируя слова Анатоля Франса, хочется сказать: „Нѣмецкіе кирассиры закованы въ чешую, какъ жуки, но ихъ слабость внутри ихъ. Напротивъ,—наша русская сила внутри насъ и въ вооруженной душѣ русскаго воина".

И эти то нѣмцы часто наѣзжали къ намъ въ Россію, точно такъ же, какъ мы, русскіе, часто ѣздили къ нимъ въ Германію. Не такъ давно въ одномъ изъ нѣмецкихъ журналовъ была помѣщена любопытная статья подъ названіемъ „Путешествующіе иностранцы въ Германіи". Въ этой статьѣ мы встрѣчаемъ много любопытныхъ сопоставленій о значеніи иностранной, а въ частности русской туристики для нѣмецкаго „хозяйства". Общій взглядъ на цифры русскихъ, посѣщавшихъ до настоящей войны Германію, уже вполнѣ достаточенъ для того, чтобы признать важную роль былой русской туристики въ „хозяйствѣ" этой страны.

Дѣйствительно, русскіе въ статистикѣ иностранцевъ играли еще недавно (до войны) очень видную роль. Приведемъ хотя бы цифры русскихъ по Берлину за одинъ изъ ближай-

шихъ годовъ. И мы видимъ, что, напримѣръ, за годъ въ германской столицѣ перебывало 71.742 русскихъ. Эта цифра превосходитъ цифры всѣхъ прочихъ иностранцевъ, такъ какъ даже стоящіе на второмъ мѣстѣ „посѣтители" изъ Австро-Венгріи составляли въ Берлинѣ за тотъ-же годъ лишь 33.046 человѣкъ; далѣе слѣдовали скандинавы — 25.984 чел., американцы—22.899 чел., англичане—12.707 чел., французы—8.772 чел. и голландцы—6.163 чел. Остальные народы были представлены тамъ въ это же время цифрами ниже 5.000.

Конечно, голыя статистическія цифры не даютъ еще возможности правильно оцѣнивать этотъ недавній еще наплывъ русскихъ въ Берлинъ, ибо въ нихъ вошли и всѣ временно проѣзжающія чрезъ Берлинъ. Въ частности, для русскихъ Берлинъ служилъ главнымъ, такъ сказать, „проходнымъ" пунктомъ при путешествіяхъ въ южные и западные курорты Германіи; кромѣ того, надо имѣть въ виду и тѣхъ русскихъ подданныхъ, которые пріѣзжали въ Германію не ради удовольствія, а на заработки или по другимъ причинамъ. Но, не смотря на все это, еще недавнія цифры русскихъ туристовъ въ Германіи остаются все-таки очень значительными. А такъ какъ русскіе всегда отличаются своею щедростью, то можно себѣ представить, какія громадныя деньги ежегодно они оставляли нѣмцамъ.

Вотъ почему, въ цѣляхъ сбереженія русскихъ денегъ для Россіи, нельзя не привѣтствовать рѣшеніе главнаго управленія „Всероссійскаго общества для развитія и усовершенствованія русскихъ лечебныхъ мѣстностей" — въ интересахъ лечащихся издать въ началѣ 1915 года „Указатель отечественныхъ лечебныхъ станцій": лечебныхъ водъ, грязей, морскихъ купаній, климатическихъ станцій и всякаго рода здравницъ (въ томъ числѣ для туберкулезныхъ больныхъ).

А то до сихъ поръ русскіе ѣздили въ Германію только для того, чтобы тратить тамъ русскія деньги. А вотъ нѣмцы, наоборотъ, пріѣзжали всегда въ Россію, чтобы здѣсь прочно устроиться и наживать тѣ же русскія деньги.

Вопросъ о пріѣздѣ нѣмцевъ и вообще иностранцевъ въ Россію имѣетъ самое серьезное соціально-политическое значеніе, ибо отъ правильнаго разрѣшенія его зависитъ и правильное пониманіе иноземнаго вліянія на развитіе и видоизмѣненіе русскаго общественнаго уклада и русской общественной жизни. Если исторія, соціологія и право отмѣчаютъ значеніе ассимиляціи и заимствованій изъ Германіи въ области

русскаго положительнаго права, то еще сильнѣе ощущалось всегда такое заимствованіе и ассимиляція въ области русской экономической и соціальной жизни.

Потому то вопросъ о значеніи пріѣзда нѣмцевъ и вообще иностранцевъ въ Россію всегда останавливалъ на себѣ вниманіе изслѣдователей. Андреевскій („О правахъ иностранцевъ въ Россіи"), Костомаровъ, Никитскій и другіе—въ прежнее время, Д. В. Цвѣтаевъ („Протестантство и протестанты въ Россіи"), А. С. Мулюкинъ („Пріѣздъ иностранцевъ въ Московское государство") — въ послѣднее время неоднократно разсматривали вопросъ о значеніи и характерѣ пріѣзда нѣмцевъ въ Россію и ихъ вліяніи на внутреннюю жизнь и бытъ нашего отечества.

Вопросъ о пріѣздѣ нѣмцевъ въ Россію въ его исторіи важенъ и для настоящаго времени, когда отовсюду слышались вопли объ экономическомъ засиліи нѣмцевъ, объ экономическихъ захватахъ, сдѣланныхъ нѣмцами въ Россіи или въ отдѣльныхъ ея областяхъ. Неисчислимыя богатства нѣдръ русской земли (каменноугольныя и другія копи) еще недавно были въ нѣмецкихъ рукахъ; промышленность и торговля въ цѣломъ рядѣ фабричныхъ районовъ (хотя бы въ Лодзинскомъ) была въ рукахъ тѣхъ же нѣмцевъ.

Цѣлые торгово-промышленные районы въ Россіи едва не погибли для Россіи, будучи „заѣдены" нѣмцами. Нѣмцы не дремали, и пріѣздъ въ Россію нѣмецкихъ промышленниковъ продолжался безъ перерыва, даже ежегодно увеличиваясь... Всѣ болѣе или менѣе сложныя отрасли городского хозяйства въ Россіи также мало по малу переходили въ руки тевтоновъ: мостовыя мостили у насъ нѣмцы, электрическіе трамваи и телефоны устраивали нѣмцы, электрическое освѣщеніе—нѣмцы и т. п., и т. п.

Теперь кошмаръ „нѣмецкаго" ослѣпленія уже прошелъ, пелена, прикрывавшая изнанку хваленой „заграницы", спала у насъ съ глазъ, туманъ лживыхъ фразъ о нѣмецкой „культурѣ"(!) разсѣялся. Но всякій ретроспективный взглядъ на пройденный нами путь всегда полезенъ и поучителенъ, какъ урокъ новѣйшей, ближайшей къ намъ исторіи.

Онъ дастъ намъ возможность опредѣлить и ближайшее будущее. Пришелъ уже конецъ засилію нѣмцевъ въ Россіи, какъ пришелъ давно желанный конецъ и засилію алкоголя въ Россіи. Справилась Россія съ алкогольнымъ дурманомъ, справится и съ дурманомъ нѣмецкимъ.

Теперь скажемъ еще нѣсколько словъ о взаимоотношеніяхъ нѣмцевъ и ихъ союзниковъ, близкихъ имъ по духу (жестокости) народовъ тюркскаго племени—венгерцевъ и турокъ. Эти взаимоотношенія нѣмцевъ, венгровъ и турокъ давно уже выкристаллизовались въ исторіи.

Въ моей книгѣ „Славяне, нѣмцы и турки; „культурная" Германія; Галиція и Польша" (Петроградъ, т-во Вольфъ, 1914) я уже приводилъ рядъ примѣровъ того, какъ часто „повторяется исторія". Повторилась исторія и теперь—въ отношеніяхъ русскаго войска къ Венгріи и въ отношеніяхъ венгерскаго народа къ нѣмцамъ Австріи. То, что говорили и писали лучшіе полководцы Венгріи въ 1849 году, то повторяется въ Венгріи и нынѣ въ 1914 и 1915 годахъ.

Вотъ, что писалъ, напримѣръ, лучшій венгерскій полководецъ Артургъ Гёргей въ своемъ обращеніи къ прочимъ венгерскимъ генераламъ шестьдесятъ пять лѣтъ тому назадъ (31 іюля 1849 года):

„Европейская политика требовала, чтобы Россійскій Императоръ соединился съ Австріей, чтобы покорить насъ и сдѣлать невозможною дальнѣйшую борьбу для государственнаго уклада Венгріи. Такъ и случилось! Нынѣ, — для предупрежденія дальнѣйшаго пролитія человѣческой крови и для освобожденія мирныхъ моихъ согражданъ, которыхъ, по слабости силъ моихъ, я не въ состояніи долѣе защищать, по крайней мѣрѣ отъ бѣдствій войны,—я безусловно складываю оружіе. Быть можетъ, это послужитъ поводомъ къ тому, что и всѣ другіе предводители отрядовъ венгерскихъ войскъ, признавъ, какъ я, что ничего лучшаго для Венгріи сдѣлать невозможно, вскорѣ послѣдуютъ моему примѣру.

„*Вполнѣ увѣренный въ прославленномъ великодушіи Его Величества Россійскаго Императора*, я уповаю, что многочисленныхъ храбрыхъ моихъ товарищей онъ не предастъ невѣрной и горестной судьбѣ и народовъ Венгріи, много уже пострадавшихъ и на его провидѣніе надѣющихся, не оставитъ безъ защиты отъ слѣпой, мстительной злобы враговъ (австрійскихъ нѣмцевъ).

„Если вы желаете пріостановить дальнѣйшее безполезное пролитіе крови, поспѣшите сдѣлать возможнымъ *сложеніе оружія, но такимъ образомъ, чтобы сіе исполнено было только передъ войсками Его Величества Россійскаго Императора*, ибо я торжественно объявляю, что скорѣе подвергну весь

мой корпусъ истребленію, чѣмъ сложу оружіе передъ австрійскими войсками.

„Если австрійскія войска станутъ слѣдовать по моимъ пятамъ, то я съ рѣшимостью отражу ихъ нападенія и путь свой направлю въ Гроссъ-Вардейнъ, для настиженія по этой дорогѣ *Императорской Россійской арміи, единственно передъ которой только войска мои изъявили готовность добровольно сложишь оружіе*".

Такъ писалъ Гёргей 65 лѣтъ тому назадъ, но его золотыя слова полны глубокаго смысла и значенія и въ настоящее время. И когда побѣдоносная армія генерала Брусилова вошла въ предѣлы Австро-Венгріи, австро-венгерскія войска начали массами сдаваться и слагать оружіе, — „вполнѣ увѣренныя, какъ и во времена Гёргея, въ прославленномъ всликодушіи Его Величества Россійскаго Императора" и вполнѣ полагаясь на рыцарскій духъ Императорской Россійской арміи, передъ которой не зазорно и сложить оружіе.

Аналогію видимъ мы и дальше.

Сложивъ оружіе передъ русскими войсками, Гёргей (2 августа 1849 года) пишетъ коменданту крѣпости Арада слѣдующее:

„Все, что только подъ моимъ начальствомъ состояло, и многіе другіе отряды, впослѣдствіи подъ мою команду поступившіе, вчера сложили оружіе безусловно. *И русскіе съ нами такъ обходятся, что мы тому удивляемся и почти того стыдимся,* ибо если бы мы были въ обратномъ положеніи, то я не могъ бы поручиться въ таковомъ же миломъ и добродушномъ обхожденіи со стороны нашихъ офицеровъ въ отношеніи къ непріятельскимъ военноплѣннымъ...

„Рѣшеніе же его Свѣтлости генералъ-фельдмаршала, *князя Варшавскаго,* состоитъ въ томъ, что онъ не можетъ принять ни какого предварительнаго условія, но *обхожденіемъ своимъ съ венгерскими войсками пріобрѣлъ довѣріе венгерскаго гарнизона*".

Это ли не напоминаетъ и современное высокогуманное и человѣколюбивое, „милое и добродушное" (какъ его опредѣлилъ Гёргей) отношеніе русскихъ войскъ къ своимъ военноплѣннымъ (нѣмцамъ, австрійцамъ, венгерцамъ и другимъ). Отъ солдата до генерала всѣ русскіе и въ настоящее время „своимъ обхожденіемъ съ непріятельскими войсками пріобрѣли полное довѣріе и уваженіе".

А вотъ что писалъ, въ высшей степени благожелательно

для недавнихъ враговъ, нашъ фельдмаршалъ Государю Императору 5 августа 1849 года:

„Силы сдавшагося Гёргея простирались въ Виллагоссѣ до 30.000 человѣкъ, при 5.000 строевыхъ лошадей, 144 орудіяхъ и понтонномъ паркѣ. Гёргей прибылъ въ Гроссъ-Вардейнъ, и я нашелъ въ немъ человѣка скромнаго и умѣреннаго, что побуждаетъ меня *предать его, Гёргея, милосердію Вашего Императорскаго Величества*".

Въ той же всеподданнѣйшей запискѣ нашъ фельдмаршалъ отмѣчаетъ и необходимость *даровать амнистію и венгерскому гарнизону крѣпости Коморна* и его коменданту Клепкѣ.

Далѣе, фельдмаршалъ сообщаетъ, что венгерскій гарнизонъ крѣпости Арада и его комендантъ Даміаныхъ, отказавшись сдаться командиру 1 австрійскаго корпуса (нѣмцу) генералу Шлику, воспользовался случайнымъ проѣздомъ русскаго полковника Хрулева и объявилъ, что готовъ сдать крѣпость его отряду, ежели онъ получитъ на то отъ командующаго арміей письменный видъ. По этому поводу генералъ-маіоръ Бутурлинъ былъ снабженъ такимъ видомъ и отправленъ въ Арадъ, гарнизонъ котораго и сложилъ передъ нимъ оружіе.

Въ своей всеподданнѣйшей запискѣ нашъ фельдмаршалъ пишетъ Государю слѣдующее:

„Я счелъ обязанностью довести о томъ (о сдачѣ Гёргея и другихъ венгерскихъ полководцевъ) до свѣдѣнія его величества императора австрійскаго. Но, деликатно прибавляетъ фельдмаршалъ, я не упомянулъ, впрочемъ, что *венгерцы согласились положить оружіе только передъ войсками Вашего Императорскаго Величества.*"

Такимъ образомъ, русскій военачальникъ венгерской компаніи 1849 года „предаетъ венгерскаго военачальника милосердію Русскаго Государя", хлопочетъ объ амнистіи для гарнизоновъ венгерскихъ крѣпостей и даже, сообщая Францу-Іосифу о своихъ побѣдахъ, деликатно и скромно умалчиваетъ о томъ, что венгерскія силы соглашались сдаться только русскимъ, но отнюдь не австрійскимъ (нѣмецкимъ) войскамъ!

А сколько примѣровъ такого великодушія, гуманности и рыцарской деликатности видѣли мы въ переживаемое нами время.

Да, исторія повторяется во всѣхъ ея проявленіяхъ—и хорошихъ и дурныхъ. Повторяется нынѣ и тевтонская жестокость, наблюдавшаяся и во время франко-прусской войны. Повто-

ряется и русское великодушіе, отмѣченное исторіей во время всѣхъ войнъ, которыя вела Россія вездѣ, даже съ грубыми пруссаками и австрійцами, отъ которыхъ чурались и венгерцы. А голосъ исторіи—судъ вѣрный и безпристрастный — даже и для современныхъ жестокихъ германцевъ.

Теперь еще два слова о другихъ союзникахъ и друзьяхъ нѣмцахъ—о германизованныхъ туркахъ. И опять хочется припомнить нѣсколько историческихъ черточекъ, ярко характеризующихъ взаимоотношенія этихъ друзей въ чалмѣ и каскѣ.

Пять съ половиною лѣтъ тому назадъ, въ апрѣлѣ 1909 года, въ Стамбулѣ, не безъ интригъ нѣмцевъ, палъ старый падишахъ—еще недавній другъ Германіи. Палъ жертвою неблагодарнаго народа, которому онъ еще недавно даровалъ европейскую конституцію. Младо-турецкая авантюра одержала верхъ, и горсть авантюристовъ (за спиною которыхъ стояли и нѣмцы) свергнула Абдулъ-Гамида, подъ грохотъ измѣнившихъ артиллерійскихъ орудій, еще недавно салютовавшихъ султану... „Константинопольское дѣйство" тогда, въ 1909 году, только на время кончилось.

Турки — наши ближайшіе сосѣди съ юга, съ которыми связано наше многодавнее историческое прошлое. Но тѣ начала международнаго сосуществованія съ ними, которыми жила Россія въ давно прошедшіе годы, уже непримѣнимы къ нимъ въ настоящее время, даже независимо отъ войны. Перемѣнился характеръ этой страны, измѣнился ея строй, нравы, измѣнились прежніе обычаи и отношенія.

Турція пожелала сразу превратить страну полумѣсяца въ конституціонную державу, безъ всякой предварительной подготовки народа и правящихъ сферъ. И результаты этой поспѣшности не замедлили сказаться въ Константинополѣ.

Турція въ короткій срокъ пережила двѣ революціи, два бунта—сперва офицерскій, потомъ солдатскій, а теперь опять младо-турецкую и германскую олигархію, съ цѣлымъ рядомъ нѣмецкихъ пашей, каковы друзья Энвера—Гольцъ-паша, Сандерсъ-паша, Поссельтъ-паша и другіе.

Младо-турецкіе офицеры, наскоро навязавшіе неподготовленному турецкому населенію непонятныя для него формы жизни, такъ-же скоро должны были почувствовать и реакцію. И если теперь офицерскій корпусъ сломилъ корпусъ солдатскій, то это еще не значитъ, что онъ упрочилъ лопнувшую

по швамъ турецкую конституцію. Наоборотъ, страна султана Магомета V надолго потеряла свою главную опору — армію, такъ какъ и верхи, и низы ея за послѣдніе годы совершенно деморализовались и развратились политиканствомъ, возстаніями, мятежами и междоусобіями.

Нужно много времени, много силы и умѣнья, чтобы опять сплотить турецкое войско подъ зеленое знамя Магомета. И во всякомъ случаѣ это скорѣе удалось бы старому падишаху Абдулъ-Гамиду, чѣмъ кому-либо изъ младотурецкихъ или германскихъ авантюристовъ.

Ни Энверъ-бей, ни фонъ-деръ-Гольцъ-паша, котораго нѣмцы назначили состоять при особѣ султана, ни недавнее германское твореніе изъ подъ Чаталджи — фонъ-деръ-Поссельтъ-паша, ни всѣ германскіе лейтенанты, изъявляюшіе желаніе даже принять исламъ, — не спасутъ теперь дряхлую и обветшавшую Турцію.

Пять лѣтъ тому назадъ, когда Абдулъ-Гамидъ былъ арестованъ и привезенъ ночью изъ Ильдиза въ Берлербей и когда ему прочли фетву, онъ выразилъ удивленіе, что народъ отнесся къ нему такъ безжалостно, когда онъ любилъ его, какъ отецъ. Въ ту же историческую ночь его наслѣдникъ престола Магометъ-Решадъ-Эффенди, на привѣтствіе „сенаторовъ"(?!), объявившихъ о его воцареніи, выразилъ радость, что ему первому пришлось вступить на тронъ конституціоннымъ султаномъ, и заявилъ, что онъ всегда желалъ счастья своей націи и будетъ работать на благо родины (??!!).

Прошла эта темная ночь. Прошелъ и слѣдующій день младотурецкаго торжества въ расцвѣченномъ флагами Стамбулѣ и въ иллюминованныхъ мечетахъ. Прошло пять лѣтъ — пять тяжелыхъ и позорныхъ для Турціи лѣтъ, когда она шагъ за шагомъ порабощалась Германіей. Упорно и систематично шло это порабощеніе — сперва въ экономическомъ, а потомъ въ политическомъ отношеніяхъ. Сперва разложилъ въ Турціи свои чемоданы алчный нѣмецкій купецъ, а слѣдомъ за нимъ явился и обнаглѣвшій прусскій маіоръ. И толстый „Михель" съ долговязымъ „Прейскеромъ" въ пять лѣтъ прибрали себѣ къ рукамъ своихъ новыхъ восточныхъ вассаловъ.

Турецкая чалма и феска начали все ниже и ниже падать передъ нѣмецкой каской. На знамени Магомета изъ-за полумѣсяца сталъ протягивать свою хищную голову подбитый нѣмецкій орелъ, а въ рядахъ турецкаго войска замерцалъ потускнѣвшій нѣмецкій шишакъ.

И теперь, въ 1915 году, не можетъ не злорадствовать старый Абдулъ-Гамидъ, глядя на то, какъ бездарный и безвольный Решадъ-Эффенди далъ нѣмцамъ расхитить турецкое добро и стать хозяевами Стамбула, откуда Магометъ V долженъ былъ наконецъ бѣжать въ Бруссу... и все благодаря нѣмецкой дружбѣ.

Если древніе вѣка, вѣка античнаго міра, создали благодарную почву для развитія началъ гражданскаго (римскаго) права, если средніе вѣка были эпохою размежеванія основныхъ началъ государственнаго права (феодализмъ, городскія, ленныя и земскія права), если съ развитіемъ международнаго общенія новые вѣка призвали къ жизни международное право съ его мирными трибуналами, конференціями, международными трактатами и договорами,—то теперь въ 1914 и 1915 годахъ мы видимъ въ Европѣ два государства, населеніе и войска которыхъ своимъ преступнымъ поведеніемъ даютъ лишь матеріалъ для уголовнаго права. Я говорю, конечно, о преступной Германіи и нравственно разлагающейся Австріи.

Много зла причинили и нѣмцы и австрійцы тѣмъ областямъ, въ которыхъ они побывали. Много пострадали отъ варварства нѣмцевъ Бельгія, много бѣдъ мирному населенію причинили они и въ Царствѣ Польскомъ. Пострадали и нѣкоторые города и селенія Франціи.

И вотъ въ ноябрѣ 1914 года 15 французскихъ университетовъ (les universités de Paris, d'Aix-Marseille, d'Alger, de Besançon, de Bordeaux, de Caen, de Clermont, de Dijon, de Grenoble, de Lyon, de Montpellier, de Nancy, de Poitiers, de Rennes, de Toulouse) — въ отвѣтъ на пресловутое заявленіе нѣмецкихъ университетовъ, оправдывающее всѣ звѣрства и все варварство германскихъ войскъ,—въ свою очередь опубликовали воззваніе къ университетамъ другихъ странъ.

Въ этомъ лаконическомъ по стилю, но сильномъ по содержанію воззваніи французскіе университеты ограничиваются только рядомъ краткихъ вопросовъ, отвѣтъ на которые является полнымъ осужденіемъ нѣмцевъ. Приведемъ хотя нѣкоторые изъ этихъ обвинительныхъ вопросовъ:

„Кто хотѣлъ этой войны?

„Кто, не смотря на происходившіе переговоры, ее такъ быстро началъ, какъ будто только ждалъ хоть какого-нибудь повода?

„Кто насильнически нарушилъ гарантированный ранѣе нейтралитетъ Бельгіи?

„Кто объявилъ по этому поводу, что нейтралитетъ есть пустой звукъ и что „трактаты суть клочки бумаги"?

„Кто не признаетъ международныхъ договоровъ, согласно коимъ во время войны запрещено прибѣгать къ средствамъ варварскимъ и вѣроломнымъ и постановлено уважать историческіе памятники, храмы, научныя, художественныя и благотворительныя учрежденія?

„При какихъ условіяхъ былъ разрушенъ Лувенскій университетъ? При какихъ условіяхъ былъ сожженъ каѳедральный соборъ въ Реймсѣ? При какихъ условіяхъ бросались бомбы съ зажигательными приспособленіями въ храмъ Парижской Богоматери?

На эти вопросы отвѣчаютъ сами факты, а равно оффиціальные документы, результаты опросовъ и слѣдствій, сообщенія и донесенія самихъ нѣмцевъ и наконецъ — развалины Бельгіи и развалины во Франціи.

Порвавъ съ чуждыми ей идеями Лейбница, Канта и Гёте, нѣмецкая „научная" мысль объявляетъ себя солидарною съ прусскимъ милитаризмомъ и вполнѣ ему покорною. Поддержанная нѣмецкими штыками она претендуетъ на всемірное (?) господство!

Еще недавно одинъ лейпцигскій нѣмецъ профессоръ писалъ: „на нашихъ (нѣмецкихъ!) плечахъ покоится будущая судьба европейской культуры" (?? !!).

Французскіе профессора и французскіе университеты смотрятъ на культуру иначе; они продолжаютъ думать, что цивилизація не есть достояніе одного народа, но является дѣломъ всѣхъ народовъ и что умственное и моральное богатство человѣчества создано естественною разнохарактерностью и необходимою независимостью всѣхъ національныхъ геніевъ. Какъ союзныя арміи, французскіе ученые защищаютъ свободу міра (la liberté du monde).

Какимъ достоинствомъ проникнуты эти благородныя идеи французскихъ профессоровъ, и какими грубыми кажутся рядомъ съ ними профессора нѣмецкіе, промѣнявшіе научные лавры на прусскія пикельгаубы.

Не такъ давно въ печати былъ опубликованъ также протестъ русскихъ ученыхъ противъ нѣмецкаго варварства, покрытый множествомъ подписей, иниціаторомъ котораго былъ членъ Государственнаго Совѣта проф. Н. А. Звѣревъ.

„Мы ожидали, говорится въ этомъ русскомъ проектѣ, что если не въ Австро-Венгріи, то въ Германіи, кичащейся своей культурой это гнусное поведеніе правительствъ и войскъ вызоветъ осужденіе, по крайней мѣрѣ, со стороны просвѣщенныхъ людей. Мы ошиблись. Вмѣсто осужденія мы услышали оправданіе и одобреніе преступныхъ дѣяній даже со стороны пасторовъ. Мы въ правѣ поэтому думать, что къ позорному вооруженному разбою, который нѣмцы хотятъ назвать войною, причастны представители всѣхъ слоевъ нѣмецкаго народа.

„... Во имя завѣтовъ Божественнаго учителя, во имя всего прошлаго христіанской культуры, во имя свѣтлыхъ идеаловъ современной цивилизаціи, мы возвышаемъ свой негодующій и протестующій голосъ противъ преступныхъ дѣяній варваровъ двадцатаго вѣка".

Меня лично нынѣшнее „поведеніе нѣмецкой науки" ничуть не удивляетъ. Грубыми и некультурными нѣмецкіе профессора и студенты были изстари, какъ мы это узнаемъ изъ нѣмецкой книжки д-ра Брухмиллера о лейпцигскомъ университетѣ. Еще во время извѣстныхъ безпорядковъ 1762 года (Schlafpelztumult) германскіе профессора и студенты выказали достаточно рѣзкости и грубости. А когда въ 1870 году одна изъ саксонскихъ газетъ, въ ожиданіи войны съ Франціей, написала статью противъ войны, подъ заглавіемъ: „Müssen sich denn auch die Sachsen totschiessen lassen", — то это вызвало самыя грубыя нападки нѣмецкихъ профессоровъ и студентовъ. То же самое видимъ мы и теперь.

Все это и неудивительно. Вѣдь нѣмецкіе профессора— это недавніе нѣмецкіе бурши, проведшіе свои „университетскіе" годы въ различныхъ „пивныхъ союзахъ" (Biervereine) среди университетскихъ „пивныхъ судовъ" (Biergerichte). Лучшими воспоминаніями ихъ остаются университетскія „Frühschoppen", Akzessschmaus (вступительная пирушка), Absolutionsschmaus (прощальная пирушка) съ нѣмецки пошлой пивной „саламандрой", а затѣмъ университетскіе же Kriegervereine, Turnvereine, Sportvereine, студенческія дуэли на шлегерахъ, шрамы на лицѣ послѣ этихъ дуэлей (нѣмецкіе профессора даже на фотографіяхъ снимаются той стороной лица, гдѣ имѣется такой университетскій шрамъ) и т. д.

А какіе убогіе курсы читаютъ или, вѣрнѣе, диктуютъ современные нѣмецкіе профессора, напр. юристы. Но объ этомъ оскудѣніи нѣмецкой юридической науки мы поговоримъ подробнѣе ниже.

А все это научное оскудѣніе въ Германіи происходитъ отъ того, что прусская каска закрыла здѣсь и всю нѣмецкую науку. Пруссія же всегда отличалась только завистью. А предметами ея зависти, на которые были устремлены ея жадные взоры, были Россія, Англія и Франція, казавшіяся, конечно, недосягаемыми для мелкой страны мѣщанскихъ бюргеровъ. И вотъ зависть заставляетъ Пруссію, а за нею и всю Германію сосредоточиться на техникѣ и милитаризмѣ; на усовершенствованіе ихъ нѣмцы направили и свою науку, забывъ нравственные и христіанскіе законы.

Какъ же относятся теперь нѣмцы къ наукѣ и какъ ею пользуются?

Отношеніе ихъ къ наукѣ лучше всего сказалось въ разрушеніи Лувена съ его древнимъ университетомъ съ богатою библіотекою и въ разстрѣляніи ректора лувенскаго университета... Свирѣпый Омаръ сжегъ нѣкогда Александрійскую библіотеку. Такъ и нѣмцы, не довольствуясь разгромомъ Лувена, разгромили и неоцѣнимое для исторической науки Шантильи, превзойдя здѣсь даже дикаго Омара.

А какъ пользуются нѣмцы своей „нѣмецкой" наукой? Пользуются ею для звѣрскихъ „усовершенствованій" нѣмца Круппа, пользуются для изготовленія бомбъ, бросаемыхъ въ мирныхъ жителей, пользуются для спаиванія и одурманиванія своихъ солдатъ эфиромъ или для снабженія ихъ сѣрной кислотой, которую они выплескивали особыми спринцевками въ глаза русскаго воина, не выдерживая его штыковой атаки, какъ это было отмѣчено и въ русской и въ польской печати за 1914 и 1915 годы.

А русскій воинъ по прежнему, какъ и въ венгерскую кампанію, какъ и въ семилѣтнюю войну, остается великодушнымъ къ своимъ коварнымъ врагамъ. И сами враги—нѣмцы и австрійцы—это признаютъ.

Мы уже отмѣтили выше то замѣчательное явленіе, что въ 1849 году венгерскія войска съ Гёргеемъ во главѣ согласились сдаться только русскимъ, зная ихъ великодушіе и гуманность, но отнюдь не австрійцамъ. А во время семилѣтней войны Берлинъ точно также соглашался сдаться лишь однимъ русскимъ, но отнюдь не австрійцамъ.

Прусская и австрійская военная исторія такихъ примѣровъ не знаютъ. За то всеобщая исторія не сомнѣнно отмѣтитъ, что въ 1914 и 1915 годахъ прусская каска совершенно

закрыла собою и нѣмецкую науку и нѣмецкую нравственность...

И, перифразируя на этотъ разъ слова Достоевскаго, можно смѣло сказать: Вырождается жестокое, уродливое германское племя [1]), и рядомъ съ нимъ еще ярче свѣтитъ, свѣтитъ какъ солнце, великая славянская мысль, увѣнчанная лаврами національной гордости.

Война 1914 — 1915 годовъ, дѣйствительно вплела новый лавръ въ вѣнокъ славянской и русской національной гордости, такъ какъ въ этой войнѣ сказалось вѣковое призваніе Россіи—помощь слабымъ и спасеніе угнетаемымъ.

Древніе греки гордились произведеніями своего искусства, древніе Римляне—своими законами, французы—изяществомъ, англичане—практичностью, итальянцы—музыкальностью, русскіе — своимъ духовнымъ призваніемъ, а нѣмцы... — только грубой физической силой и жестокостью!

Русскій народъ можетъ гордиться и вообще своей національной исторіей, въ которой наша народная гордость всегда можетъ отмѣтить рядъ событій, которыя въ свое время увѣнчали наше отечество лаврами и прославили его.

Наша исторія дѣйствительно не знаетъ себѣ равной. Наша наука стала въ уровень съ общеевропейской (французской, англійской), наше искусство и наша литература даже опередили Западъ, что признаютъ и иностранцы. Наша техника не отстаетъ отъ западной, и уже давно выдвинула рядъ чисто русскихъ изобрѣтеній, въ родѣ электрическаго освѣщенія Яблочкова, или безпроволочнаго телеграфа Попова, или аэроплановъ Татаринова и Сикорскаго.

Русская политика была всегда политикой „добродѣтели и благородства". Мы всегда помогали слабымъ и спасали угнетаемыхъ. Сто лѣтъ тому назадъ мы спасли королевскій тронъ и монархическій режимъ во Франціи; въ 1839 году мы спасли Австрію (и Франца-Іосифа) отъ Венгріи; въ 1877 году спасли балканскихъ славянъ отъ турокъ; затѣмъ спасли независимость Болгаріи; потомъ спасли Персію. Въ 1914 и 1915 годахъ Россія выступила сперва въ защиту Сербіи, а нынѣ и всего славянства и всей Европы отъ тевтонскаго засилія.

---

[1]) Ср. работу проф. П. И. Ковалевскаго: „Нѣмцы", 1914.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

И этимъ мы, русскіе, можемъ дѣйствительно гордиться, особенно читая благодарные и восторженные отзывы о дѣйствіяхъ русскихъ войскъ въ англійской, французской и славянской печати.

Но одна гордость и одно самодовольство (въ родѣ нѣмецкаго) — вещи безполезныя и безплодныя. Только лишь дѣятельное взаимное соревнованіе государствъ ведетъ къ ихъ усиленію и развитію; такъ начала развиваться Франція, преслѣдуя идею реванша.

Соревнованіе, но не зависть, не алчность тевтонская. А то, изготовитъ-ли Англія новыя пушки, ихъ сейчасъ же закажетъ, бывало, и Германія. Удалось англійскому лейтенанту Шекльтону добраться почти до самаго южнаго полюса,—и сейчасъ же въ завистливой Германіи является мысль доѣхать до сѣвернаго полюса: нѣмецъ—профессоръ Хергезелль дѣлаетъ въ Килѣ докладъ о возможности изслѣдовать сѣверный полюсъ при помощи воздушнаго корабля нѣмца Цеппелина.

Въ самодовольномъ самоослѣпленіи и нѣмецкіе промышленники дѣлали на своихъ угловатыхъ и безвкусныхъ фабрикатахъ англійскую надпись „made in Germany". Тевтонская зависть не оставляла въ покоѣ ни выдѣлку дѣтскихъ игрушекъ, ни сказочные полеты къ сѣверному полюсу.

Въ противоположность такому самодовольству швабовъ, русскіе отличаются скромностью и вѣрою въ какое-то особое призваніе Россіи. И русскіе съ достойной восхищенія скромностью признаютъ, что во всемъ, что было въ нашей исторіи, Россія исполняла только свой святой и великій долгъ. Въ этомъ особомъ „духовномъ призваніи" Россіи и лежитъ корень ея величія.

Это величіе Россіи—общепризнано. Еще не такъ давно, лѣтомъ 1909 года, спеціально собранныя эскадры Англіи, Франціи и Германіи за особую честь почитали парадировать передъ Русскимъ Императоромъ. Это ли не ясное признаніе величія Россіи. Это ли не событія, вызывающія истинное чувство національной гордости у каждаго русскаго.

Еще сотрудники Государей Николая I и Александра II, дѣятели эпохи великихъ реформъ, славянофилы и друг. были почти сплошь націоналистами, горячо оберегавшими русскую народную гордость, русское народное достоинство. Нужно ли говорить о глубоко національной эпохѣ Императора Александра III, когда обаяніе русскаго націонализма какъ бы начало захватывать даже всю Европу, такъ какъ благодаря его

силѣ Европа пользовалось тринадцатилѣтнимъ непрерывнымъ миромъ.

А на ряду со всѣмъ этимъ вспомнимъ также симпатичную рѣчь бывшаго министра народнаго просвѣщенія генерала Глазова, пожелавшаго въ одномъ изъ русскихъ университетовъ развитія „русской науки". И въ періодъ войны 1914 и 1915 годовъ русская наука доказала, что, оставаясь на присущей ей высотѣ, она можетъ оставаться и національной, можетъ блюсти традиціи Великой Россіи.

Оставаясь національною, русская наука даетъ, однако, гораздо болѣе общечеловѣческихъ, чисто космополитическихъ началъ, чѣмъ наука западно-европейская, — не говоря уже о наукѣ нѣмецкой и о позорной резолюціи нѣмецкихъ „профессоровъ", оправдывавшихъ недавнія убійства, насилія, кощунства и хулиганства германскихъ войскъ [1]).

Если эмблемою современной нѣмецкой науки является прусскій тесакъ, то эмблемою русской науки является рука помощи. И въ нашей наукѣ, какъ и въ нашей политикѣ, выразилось историческое призваніе Россіи—спасеніе угнетаемыхъ и помощь слабымъ.

Въ такомъ идеальномъ стремленіи, въ стремленіи спасти славянство и Европу отъ варваровъ объединились у насъ и русская рать, и русскій народъ, и русская наука! И этотъ объединяющій порывъ еще болѣе укрѣпилъ чувство русской національной гордости.

---

1) См. „Голосъ Руси" 1914 г. №№ 318, 321—324, 329, 340 и 351.

Ср. также: В. П. Эгерта—Чрезвычайная слѣдственная коммисія о преступныхъ дѣйствіяхъ нѣмцевъ въ войну 1914—1915 г.г.

II. Жестокое право.

1. Исторія германскаго уголовнаго права.

Основнымъ началомъ правовой и общественной жизни германцевъ было понятіе силы и произвола, прикрытое понятіемъ „свободы". Но германская „свобода", говоритъ Рогге [1]), состояла въ томъ, что каждый германецъ могъ дѣлать все то, что онъ хотѣлъ и чего онъ могъ достичь при помощи своихъ родныхъ и друзей. Это преимущество „свободы" было, конечно, правомъ, поскольку самъ германецъ считалъ его за право, за принадлежащее ему только правомочіе. Практически же это Fehderecht не имѣло ничего общаго съ правомъ, такъ какъ оно не давало никакой публичной власти и даже безъ ниспроверженія права и не могло дать таковой, которая охраняла бы индивида при осуществленіи права. Побужденія же, при которыхъ германецъ пользовался своей свободой, были очень разнообразны; сюда относились всѣ посягательства, направленныя на тѣло, честь и имущество, и впереди всѣхъ убійство кровнаго родственника: однимъ словомъ, такіе случаи, которые въ организованномъ государствѣ относятся къ праву уголовному. Nennen wir, говоритъ Porre, das Fehderecht, unseren Begriffen zu gefallen, ein Strafrecht, so war es das *roheste*, welches sich denken lässt!

Оскорбленный въ союзѣ со своими вооруженными родичами

---

[1]) Karl August Rogge, über dss Gerichtswesen der Germanen, Halle, 1820, стр. 1 и слѣд.. „Die Germanische Freiheit bestand mit einem Worte darin, das jeder Freie thun durfte, wozu er den Willen und durch die Hilfe seiner Verwandten und anderen Freunde die Kraft hatte. Der Arm des Germanen konnte nur durch den stärkeren Arm seines Gegners überwunden, nie aber durch die zwingende Gewalt einer Obrigkeit gehindert werden. Diesen Vorzug der Germanen oder ihre Freiheit, von der privatrechtlichen Seite betrachtet, pflegt man das Fehderecht zu nennen, womit angedeutet wird, dass sie ihre Streitigkeiten mit bewaffneter Hand entscheiden durften".

Ср. также: Wilda, das Strafrecht der Germanen, 1842.

и другими германцами, которые пожелали къ нему присоединиться, преслѣдовалъ оскорбителя со своею партіею на смерть, или же его вооруженный кулакъ предлагалъ ему по праву „побѣдителя" произвольное удовлетвореніе. При такой частной усобицѣ двѣ германскія семьи, какъ два народа, стояли другъ противъ друга въ постоянной враждѣ. При всемъ этомъ древній германецъ (какъ и современный нѣмецъ) обращалъ свое вниманіе, говоритъ Рогге, исключительно на матеріальный вредъ, а не на участіе въ дѣяніи воли преступника.

Гриммъ [1]) въ своихъ „Deutsche Rechtsalterthümer" въ слѣдующихъ словахъ характерно и чисто „по-нѣмецки" уясняетъ идею древнегерманскаго преступленія; приведу поэтому эту любопытную „классическую" тираду въ подлинникѣ: „Wer sich vergreift am Leib, Gut und Ehre des anderen, hohnt, schmälert, schädigt ihn und die seinigen. Hohn und Schmach duldete kein freier auf sich, ungehindert durfte er mit seiner Freunde Beistand gegen den Beleidiger Fehde erheben, Rache nehmen, oder Sühne erzwingen. Grösse dieser Sühne hing vom Erfolg und der Willkür des Siegers ab". Это ли не картина чисто нѣмецкаго произвола!

Осуществленіе такого Fehderecht было регулируемо народнымъ обычаемъ, который, установляя за каждое поврежденіе опредѣленное вознагражденіе (Busze), предоставлялъ на выборъ потерпѣвшаго—или опираться на собственный кулакъ или требовать указанное вознагражденіе. Разъ онъ требовалъ его и получалъ,—вражда считалась прекращенною. Въ этомъ и состояла „сила германской свободы" (die Kraft roher Freiheit)!

Такимъ образомъ, рядомъ съ простымъ Fehderecht (Rogge, стр. 5 и слѣд.) находимъ, что у германцевъ существовалъ еще и иной обычай, который такъ-же, какъ и предыдущій, касался уголовныхъ посягательствъ. Пострадавшій германецъ имѣлъ право требовать или замиренія за кровь убитаго родича или буссу опредѣленной величины, а посягатель долженъ былъ удовлетворить его подобнымъ приношеніемъ. Терминологія германскихъ обычаевъ относительно буссы весьма разнообразна. Она носила названіе Compositio, Widrigildum, Gegengeld, Vergeltung, а для случаевъ убійства Leudis, Leodis, при чемъ часто въ томъ же значеніи употреблялось Wehrgeld, We-

---

[1]) Grimm, Deutsche Rechtsalterthümer, Göttingen, 1881, 5 Buch, стр. 622 и сл.

rigildum. Если сравнить оба права— Fehderecht и Compositionenrecht, то окажется слѣдующее взаимоотношеніе между ними: оба они одинаково грубы, оба первобытны, но по идеѣ „Fehderecht" есть грубѣйшее изъ обоихъ.

Такимъ образомъ, у германцевъ основою преступности было грубое понятіе вреда, мѣрою наказуемости былъ личный ущербъ пострадавшаго. Различія между уголовной и гражданской неправдой, конечно, не существовало при такомъ грубомъ состояніи правосознанія. Равнымъ образомъ, не проводилось никакого различія между преступнымъ и грѣховнымъ. Преступное дѣяніе, явившись въ началѣ грѣхомъ, нарушеніемъ обязанностей, предписываемыхъ велѣніями боговъ, превратилось въ нарушеніе обязанностей, предписываемыхъ предводителями племенъ (лицами божественнаго происхожденія!), носившими наименованіе Fürst'овъ (erst) и Gaufürst'овъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ преступное дѣяніе продолжало оставаться понятіемъ чисто матеріальнымъ, связаннымъ съ идеею ущерба, убытка, вреда.

Преступнымъ вслѣдствіе этого считалось всякое нарушеніе правъ (личныхъ или имущественныхъ), какъ класса Edle, такъ и другихъ свободныхъ классовъ, но отнюдь не другихъ обитателей земель, на которыхъ селились германцы — Hörige, Hintersassene (servi, originarii). Эти общія начала грубаго германскаго правосознанія и легли въ основу отдѣльныхъ народныхъ законовъ или такъ называемыхъ leges barbarorum (законы варваровъ), каковы законы аламановъ, баварцевъ, lex Alamanorum, lex Bajuvariorum и другіе [1]).

Въ этихъ законахъ мы находимъ чисто германскую жестокость и очень много юридическихъ курьезовъ, которые, однако, германцу таковыми не представлялись. Такъ, напримѣръ, въ древнемъ германскомъ правѣ (lex Frisiorum) похищеніе вещей, посвященныхъ богамъ, или принадлежавшихъ культу вообще, считалось такимъ злодѣяніемъ, за которое преступникъ, послѣ жестокаго изувѣченія и кастраціи (!), долженъ былъ быть принесенъ въ жертву богамъ [2]); qui fanum effregerit et ibi aliquid de sacris tulerit, ducitur ad mare, et ibi in sabulo, quod accessus maris operire solet, finduntur aures

---

[1]) Canciani, barbarorum leges antiquae cum notis et glossariis, Venetiis, 1783.

[2]) Wilda, das Strafrecht der Germanen, Halle, 1842, стр. 881.

ejus, et castratur, et immolatur diis, quorum templa violavit [1]),— т.-е. тотъ, кто взламаетъ храмъ и похититъ оттуда что-либо изъ священныхъ вещей, долженъ быть приведенъ къ морю, и тамъ на пескѣ, который приноситъ морской приливъ, пусть будутъ выколоты уши его, и пусть его кастрируютъ и затѣмъ посвятятъ богамъ, на храмы которыхъ онъ посягнулъ. Здѣсь, въ этомъ чудовищномъ наказаніи проявилась та грубая идея таліона, которая проникала все германское право, всѣ германскіе взгляды на преступленіе и наказаніе.

Что касается преступленій противъ личности, противъ жизни, то и ихъ германское право карало тягчайшими наказаніями, допуская въ извѣстныхъ случаяхъ примѣненіе жесточайшихъ ордалій. Такъ, напримѣръ, если было донесено, что женщина злымъ умысломъ убила своего мужа, то въ такомъ случаѣ ближайшій родственникъ долженъ былъ доказать ея невинность поединкомъ; если же она поединщика не могла представить, то подвергалась девятиричному испытанію калёнымъ желѣзомъ! именно, въ доказательство своей невинности она должна была пройти по девяти раскаленнымъ сошникамъ [2])!

Жестоко преслѣдуя убійство въ его обыкновенныхъ формахъ, древнее германское право назначаетъ жестокія наказанія и за причиненіе смерти или вообще порчи людямъ разными колдовскими дѣйствіями, не исключая и шептаній [3]). Между чародѣями германское право различаетъ тѣхъ, которые практикуютъ это искусство, и тѣхъ, которые съ ними совѣщаются. Причиненіе другому волшебствомъ вреда, личнаго или имущественнаго, угрожалось самымъ жестокимъ таліономъ; виновный долженъ былъ въ своемъ лицѣ или имуществѣ сугубо претерпѣть тотъ вредъ, который нанесъ другому (Ср. Lex Wisigothorum, lib. VI, tit. II, § 4; см. также Dahn, Westgothische Studien, 234; Бѣлогрицъ-Котляревскій, преступленія противъ религіи, стр. 99).

Другія группы нарушителей закона объявлялись часто, какъ-бы въ насмѣшку, „vogelfrei", то есть свободными, какъ

---

[1]) Lex Frisiorum, Add. III, lit. 12. Есиповъ, грѣхъ и преступленіе, святотатство и кража, 1894.

[2]) Georgisch (Heinecius), corpus juris germanici antiqui, Halae, 1738. Есиповъ, отравленіе 1896.

[3]) Ср. Lex Bajuvariorum, tit. XII, cap. 8. Georgisch, L. B., стр. 303. Wilda, Strafrecht der Germanen, стр. 965 и 966.

птицы, которыхъ, однако, каждый имѣлъ право подстрѣлить; или же преступника признавали „lupus", иначе говоря, какъ-бы волкомъ, котораго всякій могъ убить.

Въ періодъ времени отъ X до XVI столѣтія Германія, какъ извѣстно, представляла массу отдѣльныхъ самостоятельныхъ политическихъ единицъ, образовавшихъ королевства, герцогства, города и т. п. При такой политической раздробленности явилось стремленіе отдѣльныхъ городовъ и отдѣльныхъ мѣстностей имѣть свое собственное городовое и мѣстное право —Stadtrechte и Landrechte, взамѣнъ потерявшихъ силу народныхъ правъ—Volksrechte или leges barbarorum. Свои (довольно убогія) права города стремятся изложить въ обязательныхъ уставахъ — Weichbild, какъ, напримѣръ, Sächsisches Weichbild.

Въ XIII вѣкѣ явилась попытка саксонскаго землевладѣльца Эйка или Эггарда фонъ-Репгофъ составить полный сборникъ дѣйствовавшаго права. Этотъ мѣщански узкій по взглядамъ сборникъ, названный Sachsenspiegel, Саксонское Зерцало, состоялъ изъ двухъ частей, сообразно съ тѣмъ, какъ тогда разумѣлось право. Первая его часть носила названіе земскаго права (Landrecht) и по мѣщански пыталась опредѣлить частныя отношенія людей. Во второй части изложены законы, сурово опредѣляющія государственныя отношенія, т.-е. отношенія обывателей къ землевладѣльцамъ и землевладѣльцевъ къ сюзерену (Lehnrecht). Сочиненіе Эйка, нѣсколько видоизмѣненное, дѣйствовало и въ южной Германіи подъ названіемъ Schwabenspiegel, Швабское Зерцало. Sachsenspiegel и Schwabenspiegel обобщили всѣ предшествовавшіе Stadtrechte и Landrechte и явились наиболѣе характерными выразителями суроваго права того времени [1]).

Съ XVI столѣтія германскія государства стремятся создать болѣе опредѣленные и еще болѣе жестокіе законы. Такъ, въ 1507 году, по проекту фрейгера фонъ Шварценберга, былъ изданъ для Бамбергскихъ земель уголовный кодексъ, извѣстный въ исторіи права подъ названіемъ Бамбергскаго уголов-

---

1) Homeyer, der Sachsenspiegel oder der Sächsische Landrecht nach Berliner Handschrift v. J. 1369, Berlin, 1827. Wackernagel, der Schwabenspiegel in der ältesten Gestalt, Zürich, 1840.

Ср. также Osenbrüggen, das Alamanische Strafrecht im deutschen Mittelalter, 1872.

наго уложенія, Bambergische Halsgerichtsordnung (Bambergensis). Этотъ жесточайшій кодексъ вскорѣ породилъ еще два подобныхъ же. Въ 1516 году было издано Бранденбургское уголовное уложеніе, Brandenburgische peinliche Gerichtsordnung (Brandenburgika), а въ 1532 году появилось уголовное уложеніе Карла V, Constitutio Criminalis Carolina или Peinliche Gerichtsordnung Carls V (въ сокращеніи Carolina). Въ отношеніи этого послѣдняго кодекса жестокое Бамбергское уложеніе основательно носитъ названіе „mater Carolinae", а Brandenburgika — „soror Carolinae". Каролина съ еще бо́льшей, чрезвычайной суровостью относилась ко всѣмъ преступленіямъ вообще; наказанія ея отличались крайнею жестокостью и мучительствомъ, вылившись въ различныя уродливыя формы самыхъ отвратительныхъ видовъ смертной казни [1]).

Одинъ изъ наиболѣе цѣнимыхъ нѣмцами партикулярныхъ кодексовъ Германіи, Codex juris Bavarici Criminalis, — трудъ барона Крейтмайера, сурово проводившій начало устращенія, по жестокости своей не уступаетъ Каролинѣ. Составленный по повелѣнію Максимиліана Іосифа II, послѣдняго курфюрста баварской линіи, онъ получилъ силу закона въ 1751 году [2]). Такою же жестокостью отличалось и Австрійское уложеніе Маріи Терезіи, Constitutio Criminalis Theresiana 1768 года или Nemesis (!) Theresiana [3]).

Жестока была эпоха варварскихъ германскихъ народныхъ правъ (leges barbarorum), но не менѣе жестока и груба была и позднѣйшая эпоха упомянутыхъ выше нѣмецкихъ городовыхъ и мѣстныхъ правъ и суровыхъ уложеній съ отвратительными формами смертныхъ казней, съ выкалываніемъ глазъ, кипяченіемъ въ водѣ и колесованіемъ непокорныхъ.

Такъ, напримѣръ, по Саксонскому и Швабскому зерцаламъ наказаніемъ для еретиковъ, чародѣевъ, убійцъ, и отравителей являлась смертная казнь чрезъ сожженіе „auf der Horde", то-есть на кострѣ. Воззрѣніе же Швабскаго земскаго права на любодѣяніе сильно отзывается вещнымъ правомъ;

---

1) Kress, commentatio succincta in Constitutionem Criminalem Caroli V Imperatoris, Hanoverae, 1744. Zöpfl, die peinliche Gerichtsordnung Kaiser Karl's V nebst der Bamberger und der Brandenburger Halsgerichtsordnung, Heidelberg, 1842.

2) Богородскій, очеркъ исторіи уголовнаго законодательства въ Европѣ, томъ I, Кіевъ, 1862, стр. 24.

3) Constitutio Criminalis Theresiana, Wien, 1769.

любодѣяніе съ незамужнею женщиною считалось просто уменьшеніемъ стоимости предмета, за которое должно быть заплачено обладателю, т. е. ея отцу! (Ср. Бернеръ, учебникъ уголовнаго права, т. II, § 186).

Виновные въ поджогѣ, во времена Саксонскаго и Швабскаго Зерцалъ, подвергались колесованію или отсѣченію головы, а по Каролинѣ и по Баварскому уложенію 1751 г. — сожженію. Въ Германіи, кромѣ казни огнемъ съ защитіемъ въ сырую бычачью шкуру, это наказаніе состояло или въ томъ, что преступнику жгли ноги, пока у него не отпадали подошвы ихъ, или въ томъ, что его связаннаго по рукамъ и по ногамъ троекратно бросали въ разведенный съ этою цѣлью костеръ, причемъ, разумѣется, каждый разъ онъ могъ выдти оттуда только тогда, когда у него перегорали веревки (Ср. Бесѣдкинъ, истор. очеркъ преступленія поджога; Есиповъ, поврежденіе имущества огнемъ).

„Конечно, наказанія, налагавшіяся Каролиною за отдѣльныя преступленія,—говоритъ даже нѣмецъ Бернеръ, показались-бы жестокими лицу, смотрящему на нее съ высоты современности. Всякое сомнѣніе въ этомъ отношеніи исчезаетъ, если мы взглянемъ на одну ст. 192-ю, гдѣ говорится о сожженіи, отсѣченіи головы, четвертованіи, колесованіи, повѣшеніи, утопленіи, зарытіи живого въ землю и о посаженіи на колъ, или если мы подумаемъ о допускавшихся карахъ отсѣченія руки, пальца, обрѣзанія ушей, языка и объ отвратительныхъ обезчещивающихъ наказаніяхъ. Но въ этихъ варварствахъ, продолжаетъ Бернеръ, выражается не духъ Шварценберга, но духъ его времени; великими людьми были постоянно тѣ, которые сознавали и выражали то, что требовало ихъ время: они выражали свое время и потому встрѣчали всюду сочувствіе" (!!).

Но „жестокое право" германцевъ не измѣнилось и послѣ временъ Шварценберга. Такъ, и послѣ Каролины, по законамъ нѣмецкимъ, отцеубійцу, напримѣръ, влекли по землѣ до мѣста казни и потомъ колесовали. Дѣтоубійство въ германскомъ правѣ влекло сперва смертную казнь и лишь въ нѣкоторыхъ случаяхъ ослѣпленіе; дальнѣйшіе-же германскіе законы наказывали дѣтоубійцу зарытіемъ заживо въ землю и проткнутіемъ коломъ. Воровство влекло повѣшеніе, разбой—обезглавленіе. Еще Каролина удерживаетъ для разбойниковъ наказаніе мечомъ; эту „менѣе постыдную" казнь для разбойниковъ можно объяснить тѣмъ обстоятельствомъ, что въ

средніе вѣка разбоемъ занимались не только низшіе классы, но и владѣтельные нѣмецкіе бароны.

До какой степени, говоритъ Бернеръ, были ничтожны территоріальные законы этой эпохи, до какой степени они не обращали никакого вниманія на устепененіе наказанія по мѣрѣ вины, тому можно привести множество примѣровъ. Посмотримъ съ этою цѣлью на нѣкоторые изъ прусскихъ эдиктовъ, изданные съ 1720 года. Прусскій эдиктъ 1720 г. налагаетъ за дѣтоубійство лишеніе жизни посредствомъ зашитія въ мѣшокъ (poena culei). Эдиктъ 1723 г. опредѣляетъ за мнимую несостоятельность смертную казнь! Согласно эдикту 1725 г. виновный въ содоміи сожигается заживо. Эдиктъ того же самаго года повелѣваетъ удавить, безъ дальнѣйшихъ околичностей, всѣхъ находящихся въ Пруссіи цыганъ! За мошенничество чиновниковъ пороховыхъ магазиновъ, относительно хранившагося у нихъ пороха, на сумму свыше 10 талеровъ—повѣшеніе.

Другой эдиктъ 1739 года отличается такимъ возмутительнымъ содержаніемъ, что мы приведемъ его буквально, какъ картину германскихъ нравовъ. Эдиктъ этотъ гласитъ: „Если адвокатъ или прокураторъ или нѣчто тому подобное (!) дерзнетъ подавать Его Королевскому Величеству чрезъ солдатъ immediate Memorialia (докладныя записки), по поводу тяжебныхъ дѣлъ или же по поводу монаршаго милосердія, или-же если кто-либо изъ нихъ рѣшится подстрекать (!) другихъ передать Его Королевскому Величеству какія-либо immediate Memorialia по дѣламъ уже рѣшеннымъ или оконченнымъ, то Ихъ Королевское Величество желаютъ чтобы таковое лицо было повѣшено безъ всякой пощады и чтобы подлѣ него была повѣшена собака“ (!!).

Ко второй половинѣ восемнадцатаго вѣка относятся попытки замѣнить разнородные по буквѣ, но одинакіе по ихъ жестокому духу законы общими уложеніями; поводомъ къ этому послужили затрудненія, проистекавшія отъ этой сложности и разнородности законовъ. Сочиненіе общаго уложенія для всего Прусскаго государства начато было при Фридрихѣ II въ 1746 году. Въ 1794 году оно получило силу закона подъ

названіемъ общаго земскаго уложенія для прусскихъ земель—das Allgemeine Preussische Landrecht [1]).

Уголовныя положенія этого законодательнаго памятника занимаютъ мѣсто въ 20 титулѣ II-ой части. Невѣроятная суровость этого титула бросается прямо въ глаза. А техническіе и юридическіе недостатки его обнаружились уже вскорѣ послѣ его изданія. Даже прусское правительство сознало ихъ и нашло нужнымъ подвергнуть матеріальную часть уголовныхъ законовъ новому пересмотру и исправленію. Послѣ продолжительныхъ пререканій, послѣ многочисленныхъ измѣненій проектовъ, въ 1851 году было обнародовано новое довольно плохенькое въ юридическомъ отношеніи, но за-то традиціонно-жестокое уложеніе, которое получило силу закона для всѣхъ мелкихъ частей небольшого прусскаго государства, подъ громкимъ названіемъ „Strafgesetzbuch für die Preussischen Staaten [2]).

Точно также и въ Баваріи варварски-суровый Codex juris Bavarici criminalis имѣлъ и очевидные юридическіе и чисто техническіе недостатки, не говоря уже о жестокости наказаній, чрезвычайно широкомъ употребленіи смертной казни и т. п. Поэтому первый король Баваріи Максиміліанъ-Іосифъ поручилъ графу фонъ-Монтжеласу заняться пересмотромъ уголовныхъ законовъ. Въ 1800 году получилъ приглашеніе къ составленію проекта уголовнаго уложенія бездарный Клейншродъ, а въ 1804 году суровый Фейербахъ, представившій критику на проектъ Клейншрода, получилъ порученіе составить новый проектъ, утвержденный королемъ въ 1813 году [3]). Въ 1861 году, взамѣнъ этого позорнаго и безсердечнаго дѣтища Фейербаха, было издано для Баваріи новое уложеніе—новое, однако только по формѣ, но старое по своему „баварски-суровому“ духу [4]).

---

1) Неволинъ, полное собраніе сочиненій, томъ II, исторія положительныхъ законодательствъ, 1857. Mannkopf, Allgemeines Landrecht für die Preussischen Staaten, VII Band, 1838. Zimmermann, das Allgemeine Landrecht für d. P. S., 1847.

2) Богородскій, вышеприв. соч., стр. 452 и слѣд. Stenglein, Sammlung der deutschen Strafgesetzbücher, 3 Bändchen, 1858.

3) Богородскій, вышеприв. соч., стр. 54, 55. Stenglein, 1 Bändchen.

4) Strafgesetzbuch für das Königreich Bayern, amtliche Ausgabe, 1861. Weis, das Strafgesetzbuch für das Königreich Bayern, Nördlingen, 1861.

Что-же касается Австріи, то въ 1787 году мстительная „Немезида", то-есть уложеніе Маріи-Терезіи, уступило мѣсто уложенію Іосифа II — Allgemeines Gesetz über Verbrechen und deren Bestrafung (Josephiana). Но и это уложеніе, спустя нѣсколько лѣтъ послѣ его изданія, на практикѣ оказалось неудовлетворительнымъ. Была учреждена коммиссія для составленія новаго уложенія, въ которой принималъ первенствующее участіе не менѣе Фейербаха суровый Зонненфельсъ. Новое уложеніе, Neues Gesetzbuch über Verbrechen und schwere Polizeiübertretungen, было обнародовано во 1803 году[2]). Не смотря на пятидесятилѣтній промежутокъ времени, отдѣляющій это Уложеніе 1803 года отъ уложенія 1852 года, послѣднее въ большинствѣ статей почти дословно повторяетъ положенія перваго[2])!

Между тѣмъ Германія въ 1871 году, подъ давленіемъ Бисмарка, получила одно общее уголовное уложеніе, Strafgesetzbuch für das Deutsche Reich, насквозь пропитанное Бисмарковскимъ духомъ и Бисмарковскою жестокостью. Оно и представляется до сихъ поръ дѣйствующимъ закономъ всей этой еще болѣе одичавшей нынѣ страны.

Наказаніями по этому германскому уложенію являются: смертная казнь (отсѣченіемъ головы); заключеніе въ исправительномъ домѣ (Zuchthaus) пожизненно или на время отъ 1 года до 15 лѣтъ; заключеніе въ тюрьмѣ (Gefängniss) на время отъ 1 года до 5 лѣтъ; заточеніе въ крѣпости (Festungshaft) пожизненно или на время отъ 1 дня до 15 лѣтъ; арестъ (Haft) на время отъ 1 дня до 6 недѣль; денежный штрафъ (Geldstrafe). Дополнительными наказаніями представляются: ограниченіе правъ, строжайшій полицейскій надзоръ и высылка.

О жестокости современной германской тюрьмы я писалъ еще недавно въ моей работѣ „Милость и правда въ тюрьмѣ— тюрьма русская и германская" (Журн. Мин. Юст. 1914 г. № 10 и отдѣльно), и потому здѣсь повторяться не буду.

---

[1]) Богородскій, вышеприв. соч. стр. 37. Codex poenalis de criminibus, Viennae, 1803. Gesetzbuch über Verbrechen und schwere Polizeiübertretungen, Wien, 1815.

[2]) Stenglein, 3 Bändchen.

2. Германская наука уголовнаго права.

Первые зачатки германской науки уголовнаго права можно найти во времена Каролины. Отношеніе къ ней нѣмецкихъ юристовъ этой эпохи въ высшей степени откровенно и даже цинично охарактеризовано нѣмцемъ-же профессоромъ Бернеромъ.

„Каролина, говоритъ онъ, со своими германскими составными частями, была уставомъ, слѣдовательно ее нельзя было отстранить въ сторону. Но она не соотвѣтствовала, ни по своему содержанію, ни по своей формѣ, глупо (!!) романизирующему направленію этого времени. Прежде всего юристы стараются избавиться отъ ея формы. Съ этою цѣлью Гобleръ переводитъ её, въ 1543 г., на латинскій языкъ, а Ремусъ дѣлаетъ изъ нея позднѣе латинскій перифразъ. Вслѣдъ за симъ появляются комментаріи, старающіеся согласить содержаніе Каролины съ положеніями римскаго права—таковы комментаріи Vigelius 1558, Musculus 1614, Zieritz 1622, Stephani 1626, Bulläus 1631, Manzius 1650, Blumblacher 1670, Clasen 1685 г. Ни одинъ изъ этой безсмысленной (!!) фаланги не проникаетъ глубоко въ духъ Каролины; ихъ главное стремленіе состояло въ томъ, чтобы приводить въ доказательство ея положеній мѣста изъ иноземныхъ правъ, и все это съ отвратительной (!!) ученою высокопарностью. При такомъ состояніи науки, нѣмецкое уголовное право, заключаетъ Бернеръ, должно было оставаться еще долгое время на *весьма низкой* ступени развитія".

Отцами-же германской „науки" уголовнаго права были три суровыхъ саксонца, жившіе въ шестнадцатомъ и семнадцатомъ столѣтіяхъ—Моллеръ (1599), Берлихъ и Карпцовъ. Берлиху принадлежитъ первое болѣе или менѣе крупное сочиненіе, появившееся въ Германіи по вопросамъ уголовнаго права, озаглавленное „Consultationes pacticabiles" (1614 года).

Карпцовъ-же былъ извѣстный ученый-судья, который славился своимъ „благочестіемъ"[1]) и который въ теченіе своей жизни произнесъ и подписалъ болѣе 20.000 смертныхъ приговоровъ. Его „гуманному" перу принадлежитъ огромный opus—„Practica nova rerum criminlalium", изданный въ 1635 г.

---

[1]) Въ своей автобіографіи отъ отмѣчаетъ, что болѣе 50 разъ прочиталъ всю Библію.

Эти писатели представляются вѣрными выразителями духа своего времени. Суровое отношеніе къ преступнику, зачастую основанное на ложныхъ идеяхъ и предразсудкахъ,—стоитъ припомнить, напримѣръ, знаменитые германскіе процессы противъ вѣдьмъ,—является отличительной чертою ихъ сочиненій.

А дѣйствительно однимъ изъ главныхъ предразсудковъ Германіи средневѣкового и слѣдующаго времени была мысль о возможности союза съ дьяволомъ, что породило въ Германіи извѣстные своимъ вопіющимъ безобразіемъ процессы противъ такъ называемыхъ вѣдьмъ[1]). Въ Германіи эту мысль раздѣляли и люди науки: здѣсь въ качествѣ судей этой ереси были даже назначены два профессора теологіи Генрихъ Инститоръ и Якобъ Шпренгеръ, которые были уполномочены преслѣдовать волшебство и вѣдовство со всѣмъ усердіемъ.

Избранные судьи, дабы выступить въ своей кровавой дѣятельности съ оружіемъ въ рукахъ, написали (еще въ 1487 году) съ одобренія Кёльнскаго теологическаго факультета громадный трактатъ, извѣстный подъ именемъ „Malleus maleficarum", въ которомъ обстоятельно излагается „ученіе" о договорѣ съ дьяволомъ. Какъ преступленіе сложное—вѣдовство вызывало усиленную реакцію, которая и выразилась въ примѣненіи къ нему, въ видѣ ординарнаго наказанія— сожженія.

Выдающіеся люди этой и послѣдующей эпохи, Меланхтонъ и Лютеръ, вѣрили въ силу дьявола и открыто это выражали; Лютеръ даже требовалъ для вѣдьмъ строжайшаго наказанія, а именно костра. Кто же рѣшался возвысить голосъ противъ волшебства и вѣдовства, какъ исчадій дьявола, тѣхъ самихъ заключали въ тюрьму. И это суевѣріе, жертвою котораго пали въ Германіи сотни тысячъ людей, просуществовало здѣсь до конца XVIII столѣтія (Ср. Бѣлогрицъ-Котляревскій, преступленія противъ религіи).

Въ XVIII вѣкѣ уголовное право становится у нѣмцевъ предметомъ отдѣльнаго академическаго преподаванія и пріобрѣтаетъ кое-какую литературу, имѣющую въ виду учебную

---

[1]) Hepp e-Soldan, Geschichte der Hexenprocesse, 1880. Meyer, die Periode der Hexenprocesse, 1882. Бѣлогрицъ-Котляревскій, преступленія противъ религіи. Канторовичъ, средневѣковые процессы о вѣдьмахъ, 1896.

цѣль. Beyer (1711) и Gärtner (1729) еще слѣпо придерживаются порядка статей жестокой, но любимой нѣмцами Каролины. Въ 1731 году Kemmerich издаетъ первый систематическій учебникъ уголовнаго права, за которымъ слѣдуютъ учебники: Бёмера (1733), Энгау (1738), Мейстера (1755), Коха (1758), въ которыхъ сильно проглядываетъ вліяніе бездушной и безстрастной Вольфовой философіи (Ср. Бернеръ, назв. соч., § 54). Далѣе, въ 1783 году было напечатано сочиненіе Глобига и Густера „Abhandlungen von der Criminalgesetzgebung“,— которое является хоть небольшимъ проблескомъ на темномъ фонѣ жестокой нѣмецкой литературы по уголовному праву.

Затѣмъ, какъ разъ на рубежѣ XVIII и XIX столѣтій появляется въ Германіи суровая книга Фейербаха, задумавшаго произвести „ревизію“ основныхъ началъ германскаго уголовнаго права и написавшаго свою „Revision der Grundsätze und Grundbegriffe des positiven peinlichen Rechts“ (1800). „Кантъ науки уголовнаго права”, (какъ его называютъ нѣмцы), авторъ жестокаго Баварскаго уложенія, — Фейербахъ съ такою же жестокостью трактовалъ и отвлеченныя понятія права и вопросъ объ отношеніи закона къ преступнику.

Его „достойными”, въ смыслѣ ригоризма, учениками или, вѣрнѣе, послѣдователями въ германской „наукѣ” уголовнаго права были Грольманъ, Вехтеръ, Кёстлинъ и другіе. Грольманъ пишетъ въ Фейербаховскомъ духѣ свои „Grundsätze der Criminalrechts-Wissenschaft” (1825 г.); Вехтеръ издаетъ въ такомъ-же духѣ цѣлый учебникъ — „Lehrbuch des Römisch-Deutschen Strafrechts” (1826 г.); а Кёстлинъ, по примѣру своего „учителя”, рѣшаетъ произвести новую „ревизію” основныхъ понятій уголовнаго права и печатаетъ свою „Neue Revision der Grundbegriffe des Criminalrechts” (1845 г.).

Всѣ слѣдующіе нѣмцы, писавшіе по уголовному праву,— какъ напримѣръ Гефтеръ, Гейбъ, Гольцендорфъ и другіе,— были простыми подголосками, отражавшими въ болѣе новой формѣ застарѣлыя идеи суровыхъ близнецовъ—Фейербаха и Кёстлина. Только въ концѣ девятнадцатаго столѣтія выдвинулись въ Германіи два болѣе самостоятельныя имени. Это были—типичный, суровый берлинскій нѣмецъ Биндингъ (бывшій профессоръ Лейпцигскаго университета) и венгерскій нѣмецъ, криминалистъ и „дипломатъ“ (авторъ слабенькаго учебника по международному праву) Листъ.

Что касается болѣе новыхъ нѣмецкихъ криминалистовъ, то почти всѣ они недалеко ушли отъ застарѣлой германской

теоріи возмездія. Въ современной нѣмецкой литературѣ Листъ, напр., различаетъ сторонниковъ „стараго" взгляда на возмездіе, какъ на таліонъ (въ духѣ Канта) и сторонниковъ „новаго" взгляда на возмездіе, какъ на противодѣйствіе противъ злого или добраго дѣла, которое, падая на учинителя дѣянія, имѣетъ цѣлью заглаженіе происшедшаго отъ этого дѣянія неправильнаго соотношенія между активно и пассивно участвующими въ немъ лицами (въ духѣ Меркеля). Къ числу сторонниковъ перваго взгляда относятся Биркмейеръ, Гретенеръ, Каль, Кэлеръ, Вахъ, Вахенфельдъ; а во вторую группу входятъ Алльфельдъ, Баръ, ванъ-Калькеръ, Фингеръ, Гиппель, Фернекъ, Ламмашъ, Липманнъ, Лефлеръ, Эткеръ, Штоссъ, Гепфнеръ, Шмидтъ, Берольцгеймеръ (Ср. А. А. Жижиленко Наказаніе, 1914, стр. 117 и слѣд.).

Остановимся нѣсколько на двухъ нѣмецкихъ криминалистахъ начала XIX и начала XX столѣтій—на Фейербахѣ и Листѣ и на ихъ „ученіяхъ".

Фейербахъ, подобно Канту, придавалъ большое значеніе въ правовой и общественной жизни чувству самосохраненія. На этомъ основаніи оба они считали, напримѣръ. безнаказаннымъ состояніе крайней необходимости, такъ какъ,—говорили они,—чувство самосохраненія сильнѣе угрозы закона. А на ряду съ этимъ тотъ-же Фейербахъ доходилъ до такой нелѣпости, что утверждалъ, что убійство человѣка. приговореннаго къ смертной казни, не есть убійство, но лишь полицейскій проступокъ. Неправильность и жестокость подобнаго взгляда очевидна сама собою, такъ какъ частное лицо не имѣетъ права распоряжаться жизнью ближняго.

Ближайшій послѣдователь Фейербаха, Кёстлинъ, въ своихъ нѣмецкихъ нелѣпостяхъ превзошелъ даже своего вдохновителя Фейербаха. Послѣдній выставилъ когда-то нѣмецкий „глубокомысленный" примѣръ лица, молившаго Богородицу о смерти своего сосѣда и задумался о наказуемости подобныхъ дѣяній; и вотъ его достойный ученикъ Кёстлинъ, безъ дальнѣйшихъ околичностей, высказался за безусловную ихъ наказуемость!

Въ области наказанія Фейербахъ придерживался той-же теоріи возмездія, что и Кантъ. Вѣдь Кантъ, придававшій большое значеніе велѣніямъ категорическихъ (врожденныхъ) им-

перативовъ, говорилъ: „Если завтра рушится міръ, то сегодня надо казнить всѣхъ преступниковъ" (fiat justitia—pereat mundus, ruat coelum!). Не доходя до Кантовскаго таліона (per quod quis peccat, per idem punitur), Фейербахъ идею возмездія соединилъ съ идеей устрашенія, придавая особенное значеніе психическому принужденію угрозою наказанія и разсматривая преступленіе, какъ абстрактное нарушеніе права.

Въ семидесятыхъ годахъ, въ замѣнъ этого бездушнаго Фейербаховскаго и Кёстлиновскаго взгляда на преступленіе, какъ на нарушеніе права, Биндингъ выставляетъ еще болѣе бездушную абстракцію: преступленіе, какъ нарушеніе нормы. См. его работу: „Die Normen und ihre Uebertretung" (Leipzig, 1872—1877).

Но и у Фейербаха и у Биндинга было хоть какое-нибудь, но строго опредѣленное міровоззрѣніе. У современныхъ-же криминалистовъ, хотя-бы, напримѣръ, у Листа, нѣтъ ничего прочнаго и устойчиваго.

Листъ, въ началѣ своей карьеры, придерживался той-же сухой и формальной теоріи нормъ, что и Биндингъ (ср. его книжку „das deutsche Reichsstrafrecht"). Но потомъ, когда въ Европѣ начали удѣлять бо́льшее вниманіе уголовно-соціологическимъ и уголовно-антропологическимъ ученіямъ,—онъ нашелъ болѣе удобнымъ перемѣнить фронтъ и изъ поборника теоріи нормъ сдѣлался яко-бы ея заклятымъ врагомъ и приверженцемъ передовыхъ соціологическихъ воззрѣній.

Подписывая-же недавно, вмѣстѣ съ другими нѣмцами—профессорами ихъ знаменитый документъ, оправдывающій звѣрства и варварства германскихъ войскъ, Листъ снова отрекся, но на этотъ разъ отъ (видимо, претившихъ ему) гуманныхъ началъ уголовной соціологіи и снова перешелъ на болѣе модную нынѣ въ Германіи чисто-нѣмецкую теорію кулака и насилія.

Впрочемъ изъ-за соціологической маски у Листа уже давно проглядывала симпатія къ классической теоріи нѣмецкаго кулака. Въ ученіи о наказаніи, напримѣръ, онъ прямо говорилъ, что „всякое наказаніе справедливо (!!), когда и поскольку оно необходимо цѣлесообразно", чѣмъ исключается всякая гуманная „сентиментальность"— Humanitätssentimentalität, какъ её называютъ „уравновѣшенные" нѣмцы.

По мнѣнію того-же Листа, „различіе между наказаніемъ, какъ мѣрой безопасности противъ неисправимыхъ преступ-

никовъ, и предохранительными мѣрами въ отношеніи общеопасныхъ душевнобольныхъ не только практически не выполнимо, но оно по существу должно быть отброшено" (!). Какъ напоминаетъ этотъ взглядъ старую теорію другого нѣмца Гоммеля (Ioxa), еще много лѣтъ тому назадъ написавшаго цѣлый трактатъ (памфлетъ) на „турецкую" тему: „Ueber Belohnung und Strafe nach Türkischen Gesetzen".

Въ этой нелѣпой книгѣ любопытенъ чисто-турецкій взглядъ нѣмца Ioxa на наказаніе: „Наказаніе, говоритъ онъ (подобно Листу), есть простая необходимость. Посредствомъ него мы отучаемъ лошадей и собакъ отъ того, что намъ въ нихъ не нравится. Онѣ видятъ плеть и палку, — это ихъ законъ. Точно такъ же, заключаетъ онъ, должно смотрѣть на наказаніе въ отношеніи его къ человѣку". И вотъ Листъ воскрешаетъ вновь эту старо-нѣмецкую теорію о собакахъ и палкѣ, въ примѣненіи ея къ человѣку!

И такъ, въ началѣ своей „научной" дѣятельности Листъ былъ ярымъ послѣдователемъ мертвящаго ученія Биндинга о нормахъ (Liszt, das deutsche Reichsstrafrecht); но уже черезъ три года мы видимъ его такимъ-же ярымъ послѣдователемъ болѣе модной теоріи уголовно-соціологическаго характера; на мюнхенскомъ психологическомъ конгрессѣ 1897 г. Листъ ниспровергаетъ все ученіе объ уголовной вмѣняемости и какъ-бы объявляетъ себя сверхъ-психіатромъ и прямымъ наслѣдникомъ „турецкихъ" ученій Гомеля (Ioxa); а въ 1914 году, подписывая воинственную записку ученыхъ нѣмцевъ, онъ свое профессорское перо промѣнялъ уже совсѣмъ на прусскій тесакъ.

И Фейербахъ и Листъ не ушли дальше Ioxa.....

А какія-же наказанія рекомендуютъ современные ученые нѣмцы?

Во главѣ лѣстницы наказаній стоитъ у нихъ смертная казнь, назначаемая не только за политическія (Hochverrath), но и за общія преступленія, каковы хладнокровное и обдуманное убійство (Mord) и злоупотребленіе взрывчатыми веществами (послѣ закона 1884 года).

На необходимости этой смертной казни за убійство (въ Россіи, какъ извѣстно, по общимъ законамъ за убійство не казнятъ) настаивалъ въ свое время самъ кумиръ нѣмцевъ — человѣко-

ненавистникъ Бисмаркъ. Она была введена въ германскій кодексъ по его личному желанію, такъ какъ онъ заявилъ, что, въ случаѣ отмѣны смертной казни, не будетъ дано хода и всему уголовному уложенію.

Далѣе, нѣмцы весьма одобряютъ членовредительныя и болѣзненыя тѣлесныя наказанія. Еще Кантъ рекомендовалъ кастрацію преступниковъ. Современные нѣмцы-ученые также весьма рекомендуютъ кастрацію тахъ называемыхъ „неисправимыхъ", обливаніе холодной водой, наказаніе электрическими ударами, сѣченіе розгами и т. п. (Миттельштедтъ, Крауссе и многіе другіе) [1]).

Германія не имѣетъ ссылки; но было время, когда Брукъ совершенно сознательно рекомендовалъ для этой цѣли наиболѣе *нездоровыя* по климату области Африки — Кунене и Октованго. Sapienti sat!

Не имѣя ссылки, германскіе „ученые" широко пропагандируютъ за-то тюремное заключеніе въ его разнообразныхъ видахъ. Мы уже писали недавно (Журналъ Министерства Юстиціи, 1914, № 10: „Милость и правда въ тюрьмѣ"), что нигдѣ, какъ въ тюрьмѣ, такъ не сказывается характеръ народа и его отношеніе къ меньшему, заблудшему, падшему брату, отношеніе къ вольному и невольному нарушителю закона. И вотъ русскій народъ въ своей безграничной добротѣ называетъ преступниковъ просто „несчастненькими". Наоборотъ, нѣмцы и ихъ наука видятъ во всякомъ преступникѣ исключительно злодѣя, къ которому прилагаются лишь позорныя клички: „Verbrecher", „Missethäter" и т. д. И на тюрьму русскій и нѣмецъ смотрятъ не одинаково. Русскій говоритъ: „отъ тюрьмы да отъ суммы никто не зарекайся"; нѣмецъ-же видитъ въ тюрьмѣ только прочную и безопасную клѣтку для человѣка-звѣря.

Далѣе, съ точки зрѣнія очень многихъ нѣмецкихъ „криминалистовъ-классиковъ", всѣ другія мѣры, кромѣ суровыхъ наказаній, считаются просто смѣшными. Съ ихъ точки зрѣнія,

---

[1]) Съ другой стороны въ 1875 году состоялось прелюбопытное рѣшеніе мюнхенскаго обергерихта, которымъ, согласно съ баварскимъ правомъ, признано, что тѣлесное наказаніе жены мужемъ даже вовсе не составляетъ преступнаго дѣянія. (Ср. Geyer, въ Ergänzungen zu Holtzendorffs Handbuch, стр. 93. Н. С. Таганцевъ, лекціи по уголовному праву, стр. 554).

вопросы объ условномъ осужденіи, объ условномъ освобожденіи, о патронатѣ, о покровительствѣ дѣтямъ, о защитѣ женщинъ, о нищенствѣ и бродяжествѣ, о борьбѣ съ алкоголизмомъ и т. п. считались вопросами не только не серьёзными, но и не подлежащими вѣдѣнію ученыхъ прововѣдовъ. Ихъ предоставляли въ удѣлъ „зеленой молодежи“ до газетной публицистикѣ. Многіе такъ называемые „выдающіеся” криминалисты Германіи, какъ напримѣръ, Бернеръ, Коллеръ, Биндингъ, Вахъ и другіе въ свое время категорически высказались противъ расширенія рамокъ науки уголовнаго права и противъ новаго гуманнаго направленія въ наукѣ уголовнаго права,—направленія идущаго въ разрѣзъ съ нѣмецкимъ „классическимъ”, которое вполнѣ удовлетворяется своими смертными казнями, тѣлесными наказаніями и въ особенности своею излюбленною тюрьмой.

Говоря о германской наукѣ права, скажемъ въ заключеніе нѣсколько словъ и о преподаваніи этой германской науки, которую такъ часто ставили намъ въ примѣръ.

Еще въ недавнее время, когда заговорили о реформѣ нашихъ университетовъ вообще, въ печати нашей иногда особенно критически относились къ постановкѣ преподаванія на юридическихъ факультетахъ. Въ журналахъ и газетахъ приходилось читать цѣлый рядъ критическихъ замѣчаній по поводу нашего юридическаго преподаванія. Были даже разсужденія и о полной будто-бы его неудовлетворительности. Но ужели эти замѣчанія и разсужденія имѣютъ непоколебимыя основанія? Ужели мы дѣйствительно должны сознаться въ несостоятельности нашей системы преподаванія права, и по-старинному искать спасенія „въ нѣмчехъ”.

Для обновленія университетскаго преподаванія юридическихъ наукъ, нѣкоторые „поклонники” нѣмцевъ предлагаютъ даже совершенно уничтожить существующее чтеніе лекцій и замѣнить ихъ всецѣло одними только практическими занятіями. Но лекціонная система преподаванія права, которую они осуждаютъ и критикуютъ, существовала у насъ издавна и, повидимому, не безъ пользы. Практическія же занятія по юридическимъ наукамъ, о которыхъ въ нѣкоторыхъ журналахъ и газетахъ говорили, какъ о какимъ-то новомъ „нѣмецкомъ изобрѣтеніи”, въ томъ или другомъ видѣ существуютъ

у насъ не менѣе давно, со временъ Горюшкина, Сандунова и другихъ. А между тѣмъ нѣкоторые изъ авторовъ объ этомъ не хотятъ и вспоминать.

Одни изъ авторовъ, критикуя постановку преподаванія права въ Россіи, ставили намъ въ образецъ преподаваніе юриспруденціи въ Германіи. Другіе авторы, наоборотъ, всѣ недостатки нашей науки права сводили исключительно къ тому, что у насъ въ этомъ отношеніи было будто-бы слишкомъ ужъ много подражанія, именно, Германіи. Послѣднее указаніе касается, впрочемъ, не самаго преподаванія, а трудовъ нѣкоторыхъ нашихъ ученыхъ, которые бывали будто-бы построены на нѣмецкій ладъ и не отвѣчали требованіямъ нашей жизни. Что же касается перваго указанія, то на немъ слѣдуетъ остановиться внимательнѣе.

Дѣйствительно-ли преподаваніе права въ Германіи было поставлено настолько образцово, что могло удовлетворять всѣхъ безусловно. Отнюдь нѣтъ. Профессорскія лекціи читались въ германскихъ университетахъ такъ же, какъ и вездѣ: одни изъ профессоровъ произносили лекціи изустно, другіе читали ихъ по тетрадкѣ. Но далеко не все, что они читали, было обязательно для студентовъ; обязательны были только основныя положенія, такъ сказать, тезисы.

Нѣкоторые нѣмецкіе профессора-юристы, читая лекцію, даже прямо отмѣчаютъ обязательный для студента минимумъ знаній путемъ диктовки основныхъ положеній. Они просто говорятъ въ такихъ случаяхъ: „ich dictire, I römisch, 1) arabisch, a)". Студенты записываютъ этотъ тезисъ, а если не успѣваютъ, то путемъ шарканья ногами по полу (!) требуютъ, чтобы лекторъ повторилъ сказанное. Затѣмъ нѣмецъ-профессоръ развиваетъ это положеніе, приводитъ примѣры, но аудиторія уже положила перья и совершенно не слушаетъ этой части лекціи, зная, что она не обязательна. Затѣмъ нѣмецъ-профессоръ будетъ вниманіе своихъ слушателей новымъ: „ich dictire, I römisch, 1) arabisch, b)"; опять записываніе, опять шарканье ногами, а потомъ опять полное невниманіе. Хорошо, если въ лекціонный часъ студентъ запишетъ одну страничку такихъ „I, 1) a)", „I, 1) b)" и т. п. Въ годъ у него составится небольшая тетрадка страничекъ въ 50—100; вотъ и нѣмецкій „курсъ"; вотъ студентъ уже и знаетъ, напримѣръ, гражданское право; еще другая такая-же тетрадка—знаетъ и уголовное право; такъ въ десяткѣ тоненькихъ тетрадокъ или въ десяткѣ печатныхъ конспектовъ и всѣ юридическія науки.

Изучивъ нѣсколько такихъ тетрадокъ и конспектовъ, юнецъ въ Германіи уже имѣетъ право представить разсужденіе на степень „доктора правъ", соотвѣтствующее, собственно говоря, нашей кандидатской диссертаціи. Но онъ не нашъ скромный кандидатъ, онъ уже Doctor juris. Встрѣтится, бывало, такой Doctor juris за границею съ пріѣзжимъ русскимъ кандидатомъ или даже дѣйствительнымъ студентомъ, завяжется, бывало, между ними бесѣда, и оказывалось всегда, что нѣмецкій „докторъ" дальше Германіи ничего не знаетъ, да и самое устройство судовъ въ Германіи, организацію германскаго процесса и т. п. русскій студентъ знаетъ лучше прирожденнаго нѣмца.

Причина понятна: въ русскихъ университетахъ большинство юридическихъ дисциплинъ излагается сравнительнымъ методомъ; въ Германіи-же преподаватели самодовольно ограничиваются лишь краткимъ комментированіемъ дѣйствующаго германскаго законодательства. Неудивительно поэтому, что выпущенный съ такими минимальными свѣдѣніями нѣмецкій буршъ совершенно теряется въ судѣ и очень многаго не знаетъ. Чтобы работать въ судѣ, ему надо опять учиться и притомъ чуть-ли не больше, чѣмъ въ университетѣ.

Вслѣдствіе этого въ Германіи и признанъ необходимымъ такой порядокъ: по прослушаніи трехлѣтняго университетскаго курса нѣмецкіе бурши сдаютъ экзамены при апелляціонномъ судѣ; послѣ чего прикомандировываются къ одному изъ судовъ, для занятій у прокуроровъ, адвокатовъ, нотаріусовъ и т. п., и получаютъ званіе Referendar. Послѣ трехлѣтней практики, они подвергаются новому испытанію—государственному экзамену (grosse Staatsprüfung) въ юридической коммиссіи (Justiz-Prüfungs-Kommission) и получаютъ званіе Gerichtsassessor. Званіе-же доктора, соотвѣтствующее нашему кандидату, какъ было замѣчено выше, даетъ факультетъ по защищеніи диссертаціи. (Gesetz über die juristische Prüfungen, 1889, § 2; die Vorschriften über die Ausbildung der Juristen in Preussen, Berlin, 1891).

Не то видимъ мы у насъ: окончившіе курсъ юридическихъ наукъ молодые люди у насъ тотчасъ-же зачисляются на службу, напримѣръ, въ суды младшими кандидатами; послѣ двухъ-трехъ мѣсяцевъ практическаго приспособленія къ формѣ дѣлопроизводства русскій молодой юристъ уже совершенно освоивается съ дѣломъ. Въ этомъ и отличіи русскаго университетски образованнаго человѣка отъ нѣмецкаго бур-

ща или канцелярскаго писца; канцелярскій писецъ только черезъ десять-двадцать лѣтъ писарской практики можетъ считать себя „искусившимся въ подсудностяхъ и формалистикѣ"; получившій-же въ Россіи юридическое образованіе юноша, въ противоположность нѣмецкому буршу, всѣ эти хитрости дѣлопроизводства схватываетъ и обобщаетъ въ какіе-нибудь два-три мѣсяца. И нашимъ молодымъ юристамъ не приходится, подобно нѣмцамъ, переучиваться въ судахъ, какъ равно не приходится держать въ судѣ новыхъ экзаменовъ. (Существующій-же у насъ экзаменъ на старшаго кандидата имѣетъ совершенно спеціальное значеніе).

Да, говорили прежніе „поклонники" нѣмецкаго метода преподаванія, но не въ этомъ суть. Университетскіе курсы правовѣдѣнія, говорили они, чѣмъ сжатѣе, тѣмъ будто-бы лучше (?). Но преимущество будто-бы германскихъ юридическихъ факультетовъ заключалось еще въ широкомъ развитіи системы практическихъ занятій въ самыхъ разнообразныхъ формахъ: у нихъ-де есть и диспутаторіи, и конверсаторіи, и репетиторіи, и экзаменаторіи, и рефераты, и казуистика и семинаріи.

Но вѣдь и у насъ-же всѣ эти виды практическихъ занятій существуютъ, но только или безъ такихъ громкихъ названій или съ наименованіями болѣе скромными. И у насъ, по многимъ юридическимъ предметамъ, подъ руководскомъ преподавателей устраиваются научные споры (диспутаторіи), ведутся научныя собесѣдованія (конверсаторіи). Затѣмъ, многіе профессора-юристы періодически или въ концѣ академическаго года спрашиваютъ студентовъ изъ пройденнаго и такимъ образомъ провѣряютъ, насколько предметъ ими усвоенъ (репетиторіи и экзаменаторіи). Далѣе, и у насъ студенты изустно докладываютъ свои письменныя сочиненія (рефераты), и у насъ во всѣхъ университетахъ практикуется рѣшеніе со студентами задачъ на примѣрные случаи изъ судебной практики (казуистика), ведутся „семинаріи", устраиваются примѣрные суды, комментируются законы, разбираются источники ихъ и т. д.

Это поняли и нѣмцы, и въ послѣднее время они посылали въ Россію своихъ будущихъ „ученыхъ", если не для того, чтобы учиться у русскихъ профессоровъ, то для того, чтобы выспросить о ихъ методахъ преподаванія, объ ихъ открытіяхъ въ области исторіи права, объ ихъ взглядахъ на экономическія, соціальныя и политическія проблемы и т. д. и т. д. Такое

„турнэ" по русскимъ профессорамъ еще не давно совершали „шумящіе" нынѣ нѣмецкіе „ученые" Клейнофъ, профессоръ Hötzch и другіе. Первый изъ нихъ, въ своей работѣ „Die Zukunft Polens", широко воспользовался указанными ему мною моими трудами по статистикѣ Царства Польскаго, но... воспользовался въ своемъ, истинно-нѣмецкомъ духѣ.

Нынѣ и мы поняли, наконецъ, нѣмцевъ и можемъ теперь дать вполнѣ правильную оцѣнку и нѣмецкимъ цеховымъ ремесленникамъ юридическаго цеха.

Профессоръ ВЛАДИМІРЪ ЕСИПОВЪ.

Оглавленіе.

Стран.

I. Жестокій народъ 1

II. Жестокое право . . . . . 20.

1. Исторія германскаго уголовнаго права . . . . 20.

2. Германская наука уголовнаго права . . . . . 30.

Работы В. В. Есипова.

I. ПО УГОЛОВНОМУ ПРАВУ.

1. „Очеркъ русскаго уголовнаго права". Часть общая. „Преступленіе и преступники. Наказаніе и наказуемые". Изданіе 3-е. Москва. Стр. 555. Цѣна 2 руб. 50 коп.
2. „Уголовное право". Часть особенная. „Преступленія противъ личности и имущества". Изданіе 4-е. Москва, 1913. Стр. 216. Цѣна 1 р. 50 к.
3. „Уголовное право". Часть особенная. „Преступленія противъ государства и общества". Изданіе 3-е. Москва, 1912. Стр. 208. Цѣна 1 руб. 50 коп.
4. „Уголовное уложеніе 1903 года, его характеръ и содержаніе". Варшава, 1903. Стр. 175. Цѣна 75 коп.
5. „Указатель важнѣйшей литературы по уголовному праву". Москва, 1905. Стр. 107. Цѣна 1 руб.
6. „Жизнь и законъ въ Россіи". Популярные очерки. Варшава. 1908. Цѣна 50 коп.
7. „Революція въ Россіи". Популярные очерки. Варшава. 1907. Цѣна 50 коп.
8. „Нравственность и право. Христіанская этика, современная эстетика и уголовный законъ". Варшава, 1907. Цѣна 50 коп.
9. „Превышеніе и бездѣйствіе власти по русскому праву". Изданіе 2-е. Москва, 1904. Стр. 108. Цѣна 1 руб.

10. „Преступленіе и наказаніе въ древнемъ правѣ — германскомъ, славянскомъ и русскомъ". Варшава. 1903. Цѣна 50 коп.
11. „Преступность и мѣры воздѣйствія". Варшава, 1900. Стр. 276. Цѣна 2 руб.
12. „Нѣкоторые спорные вопросы уголовнаго права". 1899. Цѣна 50 коп.
13. „Отравленіе". Историко - догматическое изслѣдованіе. Варшава, 1896. Стр. 415. Цѣна 2 руб. 50 коп.
14. „Грѣхъ и преступленіе, святотатство и кража". Петроградъ. 1894. Стр. 200. Ц. 1 р. 50 коп.
15. „Поврежденіе имущества огнемъ по русскому праву". Петроградъ. 1892. Стр. 246. Цѣна 2 руб.
16. „Святотатство въ исторіи русскаго законодательства". Варшава, 1893. Цѣна 50 коп.
17. „Проектъ закона объ условномъ осужденіи". Варшава, 1904. Цѣна 20 коп.
18. „Уголовные законы въ Японіи". Варшава, 1904. Цѣна 20 коп.
19. „Союзъ криминалистовъ и его IX конгрессъ". 1902. Цѣна 20 коп.
20. „О преподаваніи права". Варшава, 1901. Цѣна 20 коп.
21. „Новое ученіе о мотивѣ преступной дѣятельности". 1901.
22. „Преступность и искусство". 1899.
23. „Литература уголовно-судебнаго права". Варшава, 1895. Цѣна 20 к.
24. „Тюрьмы на Западѣ. Тюрьмы германскія и французскія". Варшава, 1895. Цѣна 20 коп.
25. „Четвертый конгрессъ международнаго союза криминалистовъ въ Парижѣ". 1893.
26. „Семинарія уголовнаго права въ Галле". Варшава, 1893. Ц. 20 коп.
27. „Личное состояніе преступности, какъ предметъ наказанія". 1893.

28. „Причины преступности". Актовая рѣчь. Варшава. 1909. Ц. 20 коп.
29. „Милость и правда" въ тюрьмѣ. Тюрьма русская и германская. Петроградъ. 1914. Цѣна 30 коп.
30. „L'anthropologie criminelle en Italie". R. P. 1893.

II. ПО СТАТИСТИКѢ ЦАРСТВА ПОЛЬСКАГО.

Въ XXI—XXXVII вынускахъ „Трудовъ Варш. Стат. Комитета" 1906—1908 г. г.

31. „Краткій очеркъ дѣятельности Варшавскаго Статистическаго Комитета за семнадцать лѣтъ". XXI вып. 1906.
32. „Статистика мелкаго землевладѣнія въ Царствѣ Польскомъ, крестьянскаго, посадскаго и мелкошляхетскаго". XXI вып. 1906.
33. „Статистика заработной платы сельскихъ рабочихъ; статистика эмиграціи; статистическія свѣдѣнія о состояніи городовъ Царства Польскаго" и друг. XXI вып. 1906.
34. „Экономическое и культурное развитіе Царства Польскаго за 40 лѣтъ, 1864—1905". XXII вып. 1906.
35. „Свѣдѣнія о призывныхъ въ десяти губерніяхъ Царства Польскаго за 25 лѣтъ". XXII вып. 1906.
36. „Состояніе населенія въ Царствѣ Польскомъ за 1905 годъ, общіе выводы". XXIII вып. 1906.
37. „Движеніе населенія въ Царствѣ Польскомъ за 1904 годъ (браки, рождаемость, смертность), общіе выводы". XXIV вып. 1906.
38. „Дворская и крестьянская поземельная собственность, цѣнность и доходность земель и проч." XXIV вып. 1906.
39. „Аграрный вопросъ въ 10 губерніяхъ Ц. П. Частное землевладѣніе въ 1901 году: размѣры его, число безземельныхъ" и проч. XXV вып. 1906.
40. „Населеніе десяти губерній Царства Польскаго въ 1906 году, общіе выводы". XXVI вып. 1906.
41. „Статистическо - экономическій очеркъ десяти губерній Царства Польскаго". XXVII вып. 1907.

42. „Народное образованіе въ Царствѣ Польскомъ за 90 лѣтъ, 1816—1906 г. г., его успѣхи и развитіе за послѣднее сорокалѣтіе". XXVIII вып. 1907.
43. Кустарная и домашняя промышленность въ 10 губерніяхъ Ц. П. къ началу 1901 года". XXIX вып. 1908.
44. „Фабрично-заводская промышленность въ 10 губерніяхъ Ц. П. къ началу 1906 г". XXIX вып. 1907.
45. „Аграрный вопросъ въ 10 губерніяхъ Ц. П. Частное землевладѣніе къ началу 1907 года; размѣры его, сервитуты и проч". XXX вып. 1907.
46. „Народная нравственность въ 10 губерніяхъ Ц. П.; преступность общая и особенная". XXXI вып. 1907.
47. „Народное здравіе въ 10 губеніяхъ Ц. П.; заболѣваемость. смертность и больнично-врачебное дѣло". XXXI вып. 1907.
48. „Движеніе населенія въ Ц. П. за 1906 годъ, общіе выводы". XXXII вып. 1907.
49. „Состояніе населенія въ Ц. П. за 1907 годъ". XXXIII выпускъ. 1907.
50. „Земля и ея собственники въ Ц. П. въ 1907 году". XXXIV выпускъ. 1908.
51. „10 губерній Царства Польскаго въ цифрахъ". XXXV вып. 1908.
52. „Коневодство и скотоводство въ Царствѣ Польскомъ въ 1907 году". XXXVI выпускъ. 1908.
53. „Хлѣбная производительность въ Царствѣ Польскомъ за 1904—1907 г. г., XXXVII вып. 1908.

III. ПО ИСТОРІИ И ОБЩЕСТВОВѢДѢНІЮ.

54. „Россія". Популярные очерки. Варшава, 1907. Ц. 50 к.
55. „Привислинскій край". Варшава, 1907. Ц. 50 к.
56. „Автономія Польши". Варшава, 1907. Ц. 50 к.
57. „Варшава и Лодзь, ихъ прошлое и настоящее". 1907. Ц. 20 к.

58. „Россія и Русская Польша". Восемь очерковъ. 1908. Ц. 2 р. 50 к.
59. „Очеркъ жизни и быта Привислинскаго края". 1909. Ц. 50 к.
60. „Очеркъ трудовъ проф. статистики Симоненко". Варшава. 1905.
61. „Двухсотлѣтіе Галле - Виттенбергскаго Университета". 1894.
62. „Матеріалы къ исторіи Императорскаго Варшавскаго Университета. Біографическіе очерки. Варшава. 1913. Выпускъ 1. Ц. 30 к.
63. „Варшавскій Дневникъ за 50 лѣтъ". Варшава. 1914. Ц. 20 к.
64. „Очерки правовой и общественной жизни славянъ". Обычаи славянъ. Славянское богослуженіе въ Польшѣ. Славяне и германцы. Варшава, 1914. Цѣна 30 коп.
65. „Высшее образованіе въ Царствѣ Польскомъ за сто лѣтъ, 1815—1915. Варшавскій Университетъ". Петроградъ. 1914. Цѣна 30 коп.
66. „Польскіе крестьяне за сто лѣтъ". Петроградъ. 1914. Цѣна 30 коп.
67. „Отклики войны". Славяне, нѣмцы и турки. „Культурная" Германія. Галиція и Польша. Исторія повторяется. Петроградъ. 1914. Цѣна 60 коп.
68. „Матеріалы къ исторіи Императорскаго Варшавскаго Университета. Біографическіе очерки. Варшава. 1915. Выпускъ 2. Ц. 30 к.
69. „Германцы". Очерки ихъ „правовой" и общественной жизни. Жестокій народъ. Жестокое право. Варшава. 1915. Цѣна 40 коп.
70. „Славяне и нѣмцы". Въ „Сборникѣ" М. В. Муравьева „Нѣмецкое зло". Москва. 1915. (Цѣна Сборника 70 коп. Чистый сборъ въ пользу пострадавшихъ отъ войны съ германцами).

71. „Pologne Russe. Esquisse économique et statistique" Varsovie. 1907. Prix 20 kop.

IV. ПО ГРАЖДАНСКОМУ ПРАВУ.

72. В. В. Есиповъ. Предѣлы гражданскаго права въ Царствѣ Польскомъ. Варшава, 1915. Цѣна 20 коп.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Bl Pl

Работы проф. В. В. Есипова,

изданныя въ 1914 году:

Складъ этихъ изданій въ книжныхъ магазинахъ Товарищества М. О. Вольфъ. Петроградъ — Гостин. Дв. 18 и Невскій 13; Москва — Кузн. М. 12 и Тверская 22:

1. Славяне, нѣмцы и турки. „Культурная" Германія. Галиція и Польша. Исторія повторяется. — Отклики войны. Петроградъ. 1914. Цѣна 60 коп.

2. Очерки правовой и общественной жизни славянъ. Обычаи славянъ. Славянское богослуженіе въ Польшѣ. Славяне и германцы. 1914. Цѣна 30 коп.

3. Высшее образованіе въ Царствѣ Польскомъ за сто лѣтъ (1815 — 1915). Варшавскій Университетъ. Петроградъ. 1914. Цѣна 30 коп.

4. Польскіе крестьяне за сто лѣтъ. Петроградъ. 1914. Цѣна 30 коп.

5. „Милость и правда" въ тюрьмѣ. Тюрьма русская и германская. Петроградъ. 1914. Цѣна 30 коп.

Работы того-же автора, изданныя въ 1915 году:

6 Германцы. Очерки ихъ „правовой" и общественной жизни. Жестокій народъ. Жестокое право. Варшава. 1915. Цѣна 40 коп.

7. Предѣлы гражданскаго права въ Царствѣ Польскомъ. Варшава. 1915. Ц. 20 к.

8. Матеріалы къ исторіи Императорскаго Варшавскаго Университета. Біографическіе очерки. Варшава. 1915. Выпускъ II. Цѣна 30 коп.

9. Славяне и нѣмцы. Въ „Сборникѣ" М. В. Муравьева „Нѣмецкое зло". Москва, 1915. (Цѣна Сборника 70 коп. Чистый сборъ въ пользу пострадавшихъ отъ войны съ германцами).